84(2=Рос.2)5
Б28

Цѣна 50 коп.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. Чудинова.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XXXI-й.

К. Н. Батюшковъ.

(1787 – 1855).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

LXXIII Лирическихъ стихотвореній.—XVIII Сатирическихъ пьесъ.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

[1906 г.]

Цѣна 50 коп.

14

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXXI-й.

Б 28
136977
МУК «ЦБС» г. Вологда

К. Н. Батюшковъ

(1787 — 1855).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

LXXIII Лирическ...ъ стихотвор... ...дено Державин... ...ихъ пьес... ...ы нынѣ въ образцовомъ изданіи

...е, написанное Батюшковымъ, тщательно со... ...восходно издано въ 3 т. въ 1887 г., съ об... ...примѣчаніями, подъ редакціей Л. Н. Майкова. ...ему принадлежитъ и обширная монографія о ... сочиненіяхъ Батюшкова. Это два лучшія изда... ...ихъ классиковъ. Какъ и поэты предшествовавшей ... Батюшковъ былъ восторженнымъ поклонникомъ ...лассическхъ и западно-европейскихъ поэтовъ. Но ...акъ первые подражали преимущественно формѣ ...ь твореній міровой поэзіи, Батюшкова больше вдох... самое содержаніе ихъ, тотъ обаятельный міръ ...о и прекраснаго, который онъ находилъ въ нихъ и ...у подражалъ. Что же касается формы своихъ про...й, то въ этомъ отнош...іи, онъ былъ вполнѣ само... много работая также надъ отдѣлкой своего стиха, ...ъ рѣчи и выраженій,—любимыя идеи ему хотѣ...редать и въ возможно болѣе изящной формѣ. И ...спорное достоинство его стиховъ высоко цѣнилъ

*

Центр писателей Вологодской обл. Отд. И. Белова книгохранения
Ж. Д. БИБЛІОТЕКА
1999 г.

Б28

Pl

б 28

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ (род. 1787 г., съ 1822 г. страдалъ душевнымъ недугомъ и умеръ 7-го іюля 1855 г.), котораго Пушкинъ называлъ своимъ учителемъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, признаются творцами русскаго поэтическаго стиха. Подобно Державину, сочиненія котораго извѣстны нынѣ въ образцовомъ изданіи Я. К. Грота, все, написанное Батюшковымъ, тщательно собрано и превосходно издано въ 3 т. въ 1887 г., съ обширными примѣчаніями, подъ редакціей Л. Н. Майкова. Послѣднему принадлежитъ и обширная монографія о жизни и сочиненіяхъ Батюшкова. Это два лучшія изданія русскихъ классиковъ. Какъ и поэты предшествовавшей эпохи, Батюшковъ былъ восторженнымъ поклонникомъ древне-классическхъ и западно-европейскихъ поэтовъ. Но тогда какъ первые подражали преимущественно формѣ великихъ твореній міровой поэзіи, Батюшкова больше вдохновляло самое содержаніе ихъ, тотъ обаятельный міръ высокаго и прекраснаго, который онъ находилъ въ нихъ и которому подражалъ. Что же касается формы своихъ произведеній, то въ этомъ отношеніи, онъ былъ вполнѣ самобытенъ, много работая также надъ отдѣлкой своего стиха, оборотовъ рѣчи и выраженій,—любимыя идеи ему хотѣлось передать и въ возможно болѣе изящной формѣ. И это безспорное достоинство его стиховъ высоко цѣнилъ

даже такой великій знатокъ языка и пуристъ стиля, какимъ былъ Пушкинъ.

Поэтическое наслѣдіе, оставленное Батюшковымъ, состоитъ изъ ряда стихотвореній, большею частью лирическаго содержанія, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ Майковскаго изданія; изъ прозаическихъ статей: Изъ писемъ русскаго офицера, Финляндія, Похвальное слово сну, Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ, Нѣчто о морали, основанной на религіи, и др., напечатанныхъ во второмъ томѣ; наконецъ, весь третій томъ занятъ письмами поэта. Въ составъ настоящаго выпуска вошли почти всѣ стихотворенія Батюшкова, которыя собственно и обезпечили нашему поэту почетное мѣсто въ исторіи отечественной литературы. Въ качествѣ объяснительной статьи, помѣщена рѣчь академика Л. Н. Майкова, произнесенная въ собраніи Академіи Наукъ и заключающая въ себѣ прекрасную характеристику Батюшкова въ связи съ наиболѣе важными фактами его біографіи.

Къ настоящему изданію поэта приложенъ и его портретъ.

А. Ч.

1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	стр.
Къ друзьямъ	1
I. Элегія (изъ Парни)	2
II. Пастухъ и соловей (басня)	3
III. Н. И. Гнѣдичу (Только дружба обѣщаетъ...)	4
IV. Н. И. Гнѣдичу (Прерву теперь молчанья узы...)	5
V. Выздоровленіе	7
VI. Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу	—
VII. Стихи Е. С. Семеновой	8
VIII. Тибуллова элегія III-я (изъ III-й книги)	9
IX. Эпитафія	10
X. Воспоминанія 1807 года	11
XI. Къ И. А. Петину	13
XII. Привидѣніе (изъ Парни)	15
XIII. Тибуллова элегія X-я изъ I-й книги	17
XIV. Ложный страхъ (подражаніе Парни)	19
XV. Отъѣздъ	21
XVI. Изъ Антологіи	22
XVII. Источникъ (изъ Парни)	—
XVIII. На смерть Лауры (изъ Петрарки)	23
XIX. Вечеръ (подражаніе Петраркѣ)	24
XX. Радость (подражаніе Касти)	25
XXI. Счастливецъ (подражаніе Касти)	27
XXII. Отрывокъ изъ элегіи	29
XXIII. Посланіе графу М. Ю. Велеурскому	30
XXIV. Сонъ воиновъ (изъ поэмы Парни: Isnel et Asléga)	31
XXV. Мадагаскарская пѣсня (Изъ Парни)	33
XXVI. Надпись къ портрету N	34
XXVII. Мои пенаты (посланіе къ Жуковскому и Вяземскому)	—

	стр.
XXVIII. На смерть супруги Ѳ. Ѳ. Кокошкина	43
XXIX. Дружество (подражаніе Біону)	44
XXX. Къ В. А. Жуковскому	45
XXXI. Отвѣтъ А. И. Тургеневу	47
XXXII. Разлука (Гусаръ, на саблю опираясь...)	49
XXXIII. Къ Д. В. Дашкову	50
XXXIV. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1-го января 1813 года (отрывокъ)	52
XXXV. Плѣнный	53
XXXVI. Тѣнь друга	56
XXXVII. На развалинахъ замка въ Швеціи	57
XXXVIII. Судьба Одиссея (изъ Шиллера)	61
XXXIX. Элегія изъ Тибулла	—
XL. Посланіе къ И. М. Муравьеву-Апостолу	65
XLI. Странствователь и домосѣдъ	68
XLII. Надпись къ портрету графа Эммануила Сенъ-При.	79
XLIII. Таврида	80
XLIV. Разлука (Напрасно покидалъ страну монхъ отцовъ...)	81
XLV. Пробужденіе	—
XLVI. Воспоминанія	82
XLVII. Мой геній	85
XLIII. Послѣдняя весна (подражаніе Мильвуа)	—
XLIX. Надежда	87
L. Къ другу	88
LI. Пѣснь Гаральда Смѣлаго	90
LII. Мщеніе (подражаніе Парни)	92
LIII. Посланіе къ А. И. Тургеневу	94
LIV. Къ цвѣтамъ нашего Горація	96
LV. Къ портрету Жуковскаго	—
XVI. Гезіодъ и Омиръ соперники (изъ Мильвуа)	—
LVII. Переходъ черезъ Рейнъ	101
LVIII. Умирающій Тассъ	106
LIX. Вакханка (подражаніе Парни)	113
LX. Мечта	—
LXI. Къ Н. М. Муравьеву	120
LXII. Бесѣдка музъ	122
LXIII. Къ С. С. Уварову	—
LXIV. (bis). Подражаніе Аріосту	123
LXV. Н. М. Карамзину	—
LXVI. Посланіе къ А. И. Тургеневу	124

стр.
LXVII. Изъ греческой антологіи: I—XIII. 126
LXVIII. Князю. П. И. Шаликову 131
LXIX. (Изъ Байрона). Есть наслажденіе... 132
LXX. Ты пробуждаешься... . . . . —
LXXI. Надпись для гробницы дочери г-жи Малышевой. . 133
LXXII. Подражаніе древнимъ: I—VI . . . . . —
LXXIII. Изреченіе Мелхиседека 135

САТИРИЧЕСКІЯ ПЬЕСЫ.

I. Посланіе къ стихамъ моимъ. 136
II. На книгу подъ названіемъ: Смѣсь. 138
III. Безпечмина совѣтъ. . . . . —
IV. Мадригалъ новой Сафо. . . . . —
V. Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя нимфою. —
VI. Какъ трудно Бибрису.... . . . . —
VII. Эпиграмма на переводъ Виргилія. . . . . —
VIII. Эпиграмма (Не годенъ ни къ чему..). 139
XI. Видѣніе на берегахъ Леты . . . . . —
X. На переводъ Генріады или превращеніе Вольтера. 148
XI. Извѣстный откупщикъ Ѳадѣй. 149
XII. Теперь, сего же дня.... . . . . —
XIII. Истинный патріотъ. . . . . —
XIV. Совѣтъ эпическому стихотворцу. . . . . —
XV. На поэмы Петру Великому. 150
XVI. Всегдашній гость... . . . . —
XVII. Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ. . . . . —
XVIII. Памфилъ забавенъ... 158

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Характеристика Батюшкова, какъ поэта, ст. *Л. Н. Майкова*. . 158

СТИХОТВОРЕНІЯ

К. Н. БАТЮШКОВА.

(1787—1855).

Къ друзьямъ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ драгоцѣненъ.
Я добрымъ геніемъ увѣренъ,
Что въ семъ дедалѣ [1]) риѳмъ и словъ
Недостаетъ искусства,
Но дружество найдетъ мои въ замѣну чувства,
Исторію моихъ страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежнихъ дней
И легкокрылы наслажденья,—
Какъ въ жизни падалъ, какъ вставалъ,
Какъ вовсе умиралъ для свѣта,
Какъ снова мой челнокъ фортунѣ повѣрялъ...
И словомъ—весь журналъ
Здѣсь дружество найдетъ безпечнаго поэта,
Найдетъ и молвитъ такъ:
„Нашъ другъ былъ часто легковѣренъ,
„Былъ вѣтренъ въ Паѳосѣ [2]), на Пиндѣ [3]) былъ чудакъ,

---

[1]) Въ смыслѣ: въ лабиринтѣ, по имени миѳическаго греческаго художника, которому преданіе приписываетъ постройку критскаго лабиринта.

[2]) Страстное воодушевленіе.

[3]) Гора въ Ѳессаліи, мѣстопребываніе Музъ.

„Но дружбѣ онъ за то всегда остался вѣренъ,
„Стихами никому изъ насъ не докучалъ,
(А на Парнасѣ это чудо!)
„И жилъ такъ точно, какъ писалъ:
„Ни хорошо, ни худо“.
1817.

1805.

I. Элегія.

Изъ Парни.

Какъ счастье медленно приходитъ,
Какъ скоро прочь отъ насъ летитъ!
Блаженъ, за нимъ кто не бѣжитъ,
Но самъ въ себѣ его находитъ!
Въ печальной юности моей
Я былъ счастливъ одну минуту,
За то, увы, и горесть люту
Терпѣлъ отъ рока и людей!
Обманъ надежды намъ пріятенъ,
Пріятенъ намъ хоть и на часъ!
Блаженъ, кому надежды гласъ
Въ самомъ несчастьи сердцу внятенъ!
Но прочь уже теперь бѣжитъ
Мечта, что̀ прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу измѣнила,
И вздохъ за нею вслѣдъ летитъ!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть невѣрную... Но нѣтъ,
Несносной правды вижу свѣтъ,
И должно мнѣ съ мечтой разстаться!
На свѣтѣ все я потерялъ,
Цвѣтъ юности моей увялъ:
Любовь, что̀ счастьемъ мнѣ мечталась,
Любовь одна во мнѣ осталась!

1807.

II. Пастухъ и Соловей.

Басня.

Владиславу Александровичу Озерову.

Любимецъ строгой Мельпомены,
Прости усердный стихъ безвѣстному пѣвцу!
Не лавры къ твоему вѣнцу,
Рукою дерзкой сплетены,
Я въ даръ тебѣ принесъ. Къ чему мой ѳиміамъ
Творцу Димитрія, кому безсмертны музы,
Сложивъ признательности узы,
Открыли славы храмъ?
А храмъ сей затворенъ для всѣхъ зоиловъ строгихъ,
Богатыхъ завистью, талантами убогихъ.
Ахъ, если и теперь они своей рукой
Посмѣютъ къ твоему творенью прикасаться,
А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рой,
Захочешь съ музами разстаться
И болѣ не писать,
Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать.

Пастухъ, задумавшись въ ночи безмолвной мая,
Съ высокаго холма вокругъ себя смотрѣлъ,
Какъ мѣсяцъ въ тишинѣ великолѣпно шелъ,
Лучомъ серебрянымъ долины освѣщая,
Какъ въ рощахъ липовыхъ чуть легкимъ вѣтеркомъ
Листы колеблемы шептали,
И свѣтлые ручьи, почивъ съ природой сномъ,
Едва межь береговъ струей своей мелькали.
Изъ рощи соловей
Долины оглашалъ гармоніей своей,
И эхо пѣснь его холмамъ передавало.
Все душу пастуха задумчиво плѣняло,
Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.

Напрасно нашъ пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ.
Печальный соловей вздохнувъ ему сказалъ:
„Не долго въ рощахъ сихъ дубовыхъ
„Я радость воспѣвалъ!
„Пройдетъ и пѣть охота,
„Когда съ сосѣдняго болота
„Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ;
„Пусть эта тварь поетъ, а соловьи молчатъ!“
„Пой, нѣжный соловей“, пастухъ сказалъ Орфею,—
„Для нихъ ушей я не имѣю.
„Ты имъ молчаньемъ пѣть охоту придаешь:
„Кто будетъ слушать ихъ, когда ты запоешь?“

III. Къ Н. И. Гнѣдичу.

Только дружба обѣщаетъ
Мнѣ безсмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ отъ зноя василекъ.
Мнѣ оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь къ забавѣ проложенъ,
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣ ль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скукой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ, всѣмъ играть
И—счастливъ!.. Досель цвѣтами
Путь ко счастью устилалъ,
Пѣлъ, мечталъ, подчасъ стихами
Горесть сердца услаждалъ,
Пѣлъ отъ лѣни и досуга,
Муза мнѣ была подруга:
Не былъ ей порабощенъ.
А теперь весна, какъ сонъ

Легкокрылый, исчезаетъ
И собою увлекаетъ
Прелесть пѣсней и мечты.
Нѣжны мирты и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣнчали
Юнаго пѣвца, завяли.
Ахъ, уже ли наградитъ
Слава счастія утрату
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетитъ!

1808.

IV. Н. И. Гнѣдичу.

Прерву теперь молчанья узы
Для друга сердца моего.
Давно ты отъ лѣнивой музы,
Давно не слышалъ ничего.
И можно ль пѣть моей цѣвницѣ
Въ пустынѣ дикой и пустой,
Куда никакъ нельзя царицѣ
Поэзіи прійти младой!
И мнѣ ли пѣть подъ гнетомъ рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?...
Пусть хладныя сердца одни
Средь моря бѣдствій засыпаютъ
И взоръ спокойно обращаютъ
На гробы ближнихъ и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змѣей,
Чтобъ рану нанести жестоку
И непорочности самой.
Но мнѣ ль съ чувствительной душой

Быть въ мірѣ золъ спокойной жертвой
И клеветы, и разныхъ бѣдъ?...
Увы, я знаю, что сей свѣтъ
Могилой созданъ намъ отверстой,
Куда падетъ, сраженъ косой,
И царь съ вѣнчанною главой,
И пастырь, и монахъ, и воинъ;
Ужели я одинъ достоинъ
И вѣчно жить, и быть блаженъ?
Увы, здѣсь всякъ отягощенъ
Ярмомъ печалей и цѣпями,
Которыхъ намъ по смерть руками,
Столь слабыми, нельзя сложить!
Но можно ль ихъ, мой другъ, влачить
Безъ слезъ, не сокрушась душевно?
Скорѣе моремъ льзя безбѣдно
На валкой ладіи проплыть,
Когда Борей расширитъ крылья,
Безъ вѣтрилъ, снастей и кормилъ
И къ небу взоръ не обратить.
Я плачу, другъ мой, здѣсь съ тобою,
А время молніей летитъ.
Ужъ мѣсяцъ свѣтлый надо мною
Спокойно въ озеро глядитъ;
Все спитъ подъ кровомъ майской нощи.
Едва ли водопадъ шумитъ,
Безмолвенъ долъ, вздремали рощи,
Въ которыхъ лучъ луны скользитъ
Сквозь вѣтки, на землю склоненны,
И я, Морфеемъ удрученный,
Прерву цѣвницы скорбный гласъ
И, можетъ, въ полуночный часъ
Тебя въ мечтѣ, мой другъ, познаю
И разъ еще облобызаю...

1809.

V. Выздоровленіе.

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: Парки [1]) часъ настанетъ!
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось...
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о, жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь: она—твой даръ благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой:
Я отъ любви теперь увяну.

VI. Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу.

Твой другъ тебѣ на вѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ:
Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ
Безплодныхъ матери суетъ.
Увы, мой другъ, я въ дни младые
Цирцеямъ также отслужилъ,

---

[1]) Богиня судьбы у древнихъ римлянъ, обрѣзывавшая нить человѣческой жизни.

Въ карманы заглянулъ пустые,
Покинулъ миртъ и мечъ сложилъ.
Пускай, кто честолюбьемъ боленъ,
Бросаетъ съ Марсомъ огнь и громъ;
Но я—безвѣстностью доволенъ
Въ Сабинскомъ домикѣ моемъ!
Тамъ глиняны свои пенаты
Подъ сѣнью дружней съединимъ,
Поставимъ брашны небогаты,
А дни мечтой позолотимъ.
И если къ намъ любовь заглянетъ
Въ пріютъ, гдѣ дружбы храмъ святой,
Увы, твой другъ не перестанетъ
Еще ей жертвовать собой!
Какъ гость, весельемъ пресыщенный,
Роскошный покидаетъ пиръ,
Такъ я, любовью упоенный,
Покину равнодушно міръ.

VII. Стихи Е. С. Семеновой.

E in si bel corpo più cara venia.

Тассъ, V-я пѣснь Освобожденнаго Іерусалима.

Я видѣлъ красоту, достойную вѣнца,
Дочь добродѣтельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастнаго слѣпца;
Я видѣлъ, я внималъ ея сердечну стону —
И въ рубищѣ простомъ почтенной нищеты
Узналъ богиню красоты.
Я видѣлъ, я позналъ ее въ Моинѣ страстной,
Средь сонма древнихъ бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
Ея взоръ пламенный, всегда съ душой согласной,
Я видѣлъ—и позналъ небесныя черты
Богини красоты.

О, дарованіе, одно другимъ вѣнчанно! [1])
Я видѣлъ Ксенію, стенящу предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной;
Боренье всѣхъ страстей, въ ней къ ужасу сліянно,
Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотой—
И счастливъ сей мечтой!
Я видѣлъ... и хвалить не смѣлъ въ восторгѣ страстномъ
Но нынѣ, истиной священной вдохновенъ,
Скажу: красотъ соборъ въ ней явно съединенъ,
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты.

VIII. Тибуллова элегія III-я.

Изъ III-й книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно ѳміамъ курилъ предъ алтарями,
Напрасно... Делій еще съ Тибулломъ нѣтъ!
Безсмертны, слышали вы скромный мой обѣтъ?
Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ,
Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?
Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,
Златыми класами вѣнчанныя поля
И стадо кобылицъ, рабами охраненно?...
О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной,
Молилъ, чтобъ смерть меня застала при тебѣ,
Хоть нища, но съ тобой!... Къ чему желать себѣ
Богатства Азіи или воловъ дебелыхъ!
Ужели болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ
Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столбовъ
Изсѣченъ хитростью наемныхъ пришлецовъ,
Гдѣ все одинъ порфиръ Тенера и Кариста,

---

[1]) Дарованіе поэта и актрисы.

Помосты мраморны и урны злата чиста,
Луга пространные, гдѣ силою трудовъ
Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?
Къ чему эритрскія жемчужины безцѣнны
И руна тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богатствѣ ль счастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ,
Мудрецъ отъ ларъ своихъ за златомъ не бѣжитъ,
Колѣнъ предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ
И въ хижинѣ своей съ фортуной обитаетъ.
И бѣдность, Делія, мнѣ радостна съ тобой!
Тотъ кровъ соломенный, Тибуллу золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Сто кратъ благословенъ!.. Но если предо мною
Безсмертные вѣсовъ судьбы не преклонятъ,
Утѣшитъ ли тогда сей Римъ, сей пышный градъ?
Ахъ, нѣтъ! И золото блестящаго Пактола,
И громкой славы шумъ, и самый блескъ престола
Безъ Деліи—ничто, а съ ней и кущи—храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!

О, дочь Сатурнова, услышь мое моленье,
И ты, любови мать! Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ противно вретено,
И Деліей владѣть Тибуллу не дано,
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона
Широкой цѣпію вкругъ ада облежатъ,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни спятъ.

IX. Эпитафія.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и нѣтъ его!

X. Воспоминанія 1807 года.

Мечты, повсюду вы меня сопровождали
И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И ратникъ, опершись на копіе стальное,
Въ усталости почилъ! Луна на небесахъ
Во всемъ величіи блистала
И низкій мой шалашъ сквозь вѣтви освѣщала.
Аль свѣтлый лучь струю лѣнивую катилъ
И въ зеркальныхъ водахъ являлъ весь станъ и рощи;
Едва дымился огнь въ часы туманной нощи
Близъ кущи ратника, который сномъ почилъ.
О, Гейльсбергски поля, о, холмы возвышенны,
Гдѣ столько разъ въ ночи, луною освѣщенный,
Я, въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ!
О, Гельсбергски поля, въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ счастливый,
На смерть летя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,
Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну!
И буря дней моихъ исчезла, какъ мечта...
Осталось мрачно вспоминанье...

Между протекшаго есть вѣчная черта:
Насъ сближитъ съ нимъ одно мечтанье.
Да оживу теперь я въ памяти своей
Сію ужасную минуту,
Когда, болѣзнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей.

Но небо, внявъ моимъ моленьямъ усердным,
Взглянуло окомъ милосердымъ:
Я, Нѣманъ переплывъ, узрѣлъ желанный край
И, землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: Блаженъ стократъ, кто съ сельскими богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай
И, шага не ступя за хижину убогу,
Къ себѣ богиню быстроногу
Въ молитвахъ не зоветъ!
Не слѣпъ ко славѣ онъ любовью,
Не жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и кровью,
Могилу зритъ свою и тихо смерти ждетъ.

. . . . . .

Семейство мирное, уже ль тебя забуду
И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду!
Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ,
Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный эскулапъ божественной наукой
Исторгъ изъ-подъ косы и дивно исцѣлилъ
Меня, борющагось уже съ смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забылъ,
Тебя, которую я зрѣлъ передъ собою,
Какъ утѣшителя, какъ ангела добра!
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: „Пей здравье и любовь!“
Тогда, казалося, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью вѣнчала
Долины, холмы и лѣса.
Я помню утро то, какъ слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я въ первый разъ узрѣлъ цвѣты и древеса....
Какое счастіе съ весной воскреснуть ясной!
(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна).
Я, восхищенъ природой красной,

Сказалъ Эмиліи: „Ты видишь, какъ она,
„Расторгнувъ зимній мразъ, съ весною оживаетъ,
„Съ ручьемъ шумитъ въ лугахъ и съ розой расцвѣтаетъ;
„Что бъ было безъ весны?... Подобно такъ и я
„На утрѣ дней моихъ увялъ бы безъ тебя!“
Тутъ, грудь кропя горячими слезами,
Соединивъ уста съ устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна.

Увы, исчезло все, какъ прелесть сладка сна!
Куда дѣвалися восторги, лобызанья
И вы, таинственны во тьмѣ ночной свиданья,
Гдѣ, заключа ее въ объятіяхъ моихъ,
Я не завидовалъ судьбѣ боговъ самихъ!.....
Теперь я, съ нею разлученный,
Считаю скукой дни, цѣпь горестей влачу.
Воспоминанія, лишь вами окрыленный,
Къ ней мыслію лечу,
И въ часъ туманной полуночи
Мечтой обвороженны очи,
Какъ призракъ, красоту въ одеждѣ легкой зрятъ.
Ея и станъ, и взглядъ!
Я къ ней объятія въ восторгѣ простираю.....
И тѣнь лишь обнимаю.

1810.

XI. Къ И. А. Петину.

О, любимецъ бога брани,
Мой товарищъ на войнѣ!
Я платилъ съ тобою дани
Богу славы не однѣ:
Ты на киверѣ почтенномъ
Лавры съ миртомъ сочеталъ,
Я въ углу уединенномъ

Незабудки собиралъ.
Помнишь ли, питомецъ славы,
Иденсальми страшну ночь?
Не люблю такой забавы,
Молвилъ я,—и съ музой прочь!
Между тѣмъ какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками....
Ужинъ вамъ приготовлялъ.
Счастливъ ты, шалунъ любезный,
И въ Цитерской сторонѣ;
Я же, всюду безполезный—
И въ любви, и на войнѣ,
Время жизни въ скукѣ трачу
За крылатый счастья мигъ,
Ночь зѣваю, утромъ плачу
Объ утратѣ сновъ моихъ.
Тщетны слезы! Мнѣ готова
Цѣпь, сотканна изъ суетъ;
Отъ родительскаго крова
Я опять на морѣ бѣдъ.
Мой челнокъ любовь слѣпая
Правитъ дѣтскою рукой,
Между тѣмъ какъ лѣнь зѣвая
На кормѣ сидитъ со мной.
Можетъ быть, какъ быстра младость
Убѣжитъ отъ насъ бѣгомъ,
Я возьмусь за умъ, да радость
Уживется ли съ умомъ?
Ахъ, почто же мнѣ заранѣ,
Другъ любезный, унывать?
Вся судьба моя въ стаканѣ!
Станемъ пить и воспѣвать:
Счастливъ, счастливъ, кто цвѣтами
Дни любови украшалъ,

Пѣлъ съ безпечными друзьями,
А о счастіи мечталъ!
Счастливъ онъ, и втрое болѣ
Всѣхъ вельможей и царей!
Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
Чужды рабства и цѣпей,
Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
Часто съ горемъ пополамъ,
Наливать полнѣе чашу
И смѣяться дуракамъ!

XII. Привидѣніе.

Посмотрите: въ двадцать лѣтъ
Блѣдность щеки покрываетъ,
Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ,
Парка дни мои считаетъ
И отсрочки не даетъ!
Что же медлить? Вѣдь Зевеса
Плачъ и стонъ не укротитъ,
Смерти мрачной занавѣса
Упадетъ, и я забытъ!
Я забытъ... Но изъ могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, другъ мой милый,
Какъ мертвецъ, тебя пугать.
Въ часъ полуночныхъ явленій
Я не стану въ видѣ тѣни
То внезапу, то тишкомъ
Съ воплемъ въ твой являться домъ.
Нѣтъ, по смерти, невидимкой
Буду вкругъ тебя летать,
На груди твоей подъ дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развѣвать

Легкимъ устъ прикосновеньемъ.
Какъ зефира дуновеньемъ,
Отъ каштановыхъ волосъ
Тонкій запахъ свѣжихъ розъ.
Если лилія листами
Ко груди твоей прильнетъ,
Если яркими лучами
Въ камелькѣ огонь блеснетъ.
Если пламень потаенной
По ланитамъ пробѣжалъ,
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ,—
Улыбнися, другъ безцѣнной,
Это я!.. Когда же ты,
Сномъ закрывъ прелестны очи,
Обнажишь во мракѣ ночи
Розъ и лилій красоты,
Я вздохну, и гласъ мой томной,
Арфы голосу подобной,
Тихо въ воздухѣ умретъ.
Если жъ легкими крылами
Сонъ глаза твои сомкнетъ,
Я невидимо съ мечтами
Стану плавать надъ тобой.
Сонъ твой, Хлоя, будетъ дологъ,
Но когда блеснетъ сквозь пологъ
Лучъ денницы золотой,
Ты проснешься... О, блаженство!
Я увижу совершенство,
Тайны прелести красотъ,
Гдѣ самъ пламенный Эротъ
Оттѣнилъ рукой своею
Розой дѣвственну лилею.
Все опять въ моихъ глазахъ,
Всѣ покровы исчезаютъ.

Часъ блаженнѣйшій!... Но, ахъ,
Мертвые не воскресаютъ!

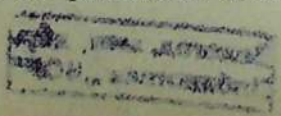
XIII. Тибуллова элегія X-я изъ I-й книги.

Вольный переводъ.

Кто первый изострилъ желѣзный мечъ и стрѣлы?
Жестокій, онъ изгналъ въ безвѣстные предѣлы
Миръ сладостный и въ адъ открылъ обширный путь!
Но онъ виновенъ ли, что мы на ближнихъ грудь
За золото, за прахъ желѣзо устремляемъ,
А не чудовищей имъ дикихъ поражаемъ?
Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой
Изъ буковой коры межъ утвари простой,
И столъ былъ отягченъ избыткомъ сельскихъ брашенъ,
Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,
И пастырь близъ овецъ спокойно засыпалъ,
Тогда бы дни мои я радостьми считалъ,
Тогда бъ не чувствовалъ невольно трепетанья
При гласѣ бранныхъ трубъ! О, тщетное мечтанье!
Я съ Марсомъ на войнѣ! быть можетъ, лукъ тугой
Натянутъ на меня пернатою стрѣлой....
О, боги, сей ударъ вы мимо пронесите,
Вы, лары отчески, отъ гибели спасите,
И вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
Въ безпечности златой отъ колыбельныхъ дней,
Не постыдитеся, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пня и пылью покровенный,
Въ жилищѣ праотцевъ единенъ стоитъ!
Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни злата
Когда священный ликъ домашняго пената
Еще скудельный былъ на пепелищѣ ихъ!
Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,

136977.1ᵉˣ
Вологодская городская ЦБС
Отдел книгохранения
Центр писателя В.И. Белова
Вологод. Центр. библиотека

Йль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей,
Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
Когда на празднествахъ, въ дни майскіе веселы,
Съ толпою чадъ своихъ оратай престарѣлый
Опрѣсноки ему священны принесетъ,
А дѣвы красныя—изъ улья чистый медъ.
Спасите жь вы меня, отеческіе боги,
Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій—
Кошницу полную Цереринхъ даровъ,
А въ жертву—сей овенъ, краса моихъ луговъ.
Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
Явлюсь наутріе предъ вашъ алтарь священный.
Пускай—скажу—въ поляхъ неистовый герой,
Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой,
А мнѣ—пусть благости сей буду я достоинъ!—
О подвигахъ своихъ разскажетъ древній воинъ,
Товарищъ юности, и сидя за столомъ,
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ.
Почто же вызывать намъ смерть изъ царства тѣни,
Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени?
Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится и всюду за тобой
И низведетъ тебя въ тѣ мрачные вертепы,
Гдѣ лаетъ адскій песъ, гдѣ фуріи свирѣпы
И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдный полкъ толпится на брегахъ,
Власы обожжены, и впалы ихъ ланиты!...
Хвала, хвала тебѣ, оратай домовитый!
Твой вечерѣетъ вѣкъ средь счастливой семьи;
Ты самъ въ тѣни дубравъ пасешь стада свои;
Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
Для омовенья ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водой. О, боги, еслибъ я
Узрѣлъ еще мои родительски поля!



У свѣтлаго огня, съ подругою младою,
Я бъ юность вспомянулъ за чашей круговою
И были, и дѣла давно протекшихъ дней!
Сынъ неба, свѣтлый Миръ, ты самъ среди полей
Вола дебелаго ярмомъ отягощаешь,
Ты благодать свою на нивы проливаешь
И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ!
Въ дни мира острый плугъ и заступъ намъ священны,
А мечъ, кровавый мечъ и шлемы опереннны
Снѣдаетъ ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
Оратай изъ лѣсу тамъ ѣдетъ на волахъ
Съ женою и съ дѣтьми, виномъ развеселенный.
Дни мира, вы любви игривой драгоцѣнны!
Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
Ты плачешь, Ливія? Но побѣдитель твой,
Смотри, у ногъ твоихъ колѣна преклоняетъ.
Любовь коварная украдкой подступаетъ,
И вотъ ужъ среди васъ размолвившихъ сидитъ.
Пусть молнія боговъ нещадно поразитъ
Того, кто красоту обидѣлъ на сраженьи!
Но счастливъ, если могъ въ минутномъ изступленьи
Вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измять
И поясъ невзначай у дѣвы развязать!
Счастливъ, три кратъ счастливъ, когда твои угрозы
Исторгли изъ очей любви безцѣнны слезы!
А ты, взлелѣянный межъ копій и мечей,
Бѣги, кровавый Марсъ, отъ нашихъ алтарей.

XIV. Ложный страхъ.

Подражаніе Парни.

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный,
Какъ съ амурами тишкомъ
Мракомъ ночи окруженный,

*

Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о, другъ мой нѣжный,
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбѣжной
Защищалась, но слегка?
Слышенъ шумъ: ты испугалась,
Свѣтъ блеснулъ и въ мигъ погасъ,
Ты къ груди моей прижалась,
Чуть дыша... Блаженный часъ!
Ты пугалась, я смѣялся.
„Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!
„Гименей за все ручался,
„И Амуры на часахъ.
„Все въ безмолвіи глубокомъ,
„Все почило сладкимъ сномъ,
„Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
„Подъ Морфеевымъ крыломъ!“
Рано утреннія розы
Запылали въ небесахъ...
Но любви безцѣнны слезы,
Но улыбка на устахъ,
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча, новое свиданье
Обѣщали вечеркомъ.
Еслибъ Зевсова десница
Мнѣ вручила ночь и день,
Поздно бъ юная денница
Прогоняла черну тѣнь,
Поздно бъ солнце выходило
На восточное крыльцо,
Чуть блеснуло бъ и сокрыло
За лѣсъ рдяное лицо,
Долго бъ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ,

Долго-бъ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ!
Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой,
Остальною жь половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

XV. Отъѣздъ.

Ты хочешь, горсткой ѳиміама
Чтобъ жертвенникъ я твой почтилъ?
Для грацій муза не упряма,
И я имъ лиру посвятилъ.

Я вижу вкругъ тебя толпятся
Вздыхатели—шумливый рой!
Какъ пчелы на цвѣтокъ стремятся,
Иль легки бабочки весной.

И Марсъ, высокій, въ битвахъ смѣлый,
И Селадонъ плаксивый тутъ,
И юноша еще не зрѣлый
Тебѣ сердечну дань несутъ.

Одинъ—я видѣлъ—все вздыхаетъ,
Другой какъ мраморный стоитъ,
Болтунъ сорокой не болтаетъ,
Нахалъ краснѣетъ и молчитъ.

Труды затѣйливой Арашны,
Сотканные въ углу тайкомъ,
Не столь для мухъ игривыхъ страшны,
Какъ твой для насъ волшебный домъ.

Но я одинъ, прелестна Хлоя,
Платить сей дани не хочу

И, осторожности удвоя,
На тройкѣ въ Питеръ улечу.

XVI. Изъ Антологіи.

Сотъ меда съ молокомъ—
И Маинъ сынъ тебѣ на долго благосклоненъ!
Алкидъ не такъ-то скроменъ:
Дай двѣ ему овцы, дай козу и съ козломъ;
Тогда онъ на овецъ прольетъ благословенье
И въ снѣдь не дастъ волкамъ.
Храню къ богамъ почтенье,
А стада не отдамъ
На жертвоприношенье.
Скажите: что за честь,
Когда не волкъ его, Алкидъ изволитъ съѣсть?

XVII. Источникъ.

Изъ Парни.

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ;
Мутный источникъ, слѣдъ яростной бури,
Съ ревомъ и шумомъ бѣжитъ по полямъ.
Зафна, приближься! Для дѣвы невинной
Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
Падая съ камня, источникъ пустынный
Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри течетъ.

Дебри ты, Зафна, собой озарила,
Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
Пѣсни любови ты мнѣ повторила,
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ.
Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханье,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ.

Тише, источникъ, прерви волнованье,
Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался;
Вижу улыбку и радость въ очахъ!
Дѣва любви, я къ тебѣ прикасался,
Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!
Зафна краснѣетъ?... О, другъ мой невинный,
Тихо прижмися устами къ устамъ!
Будь же ты скроменъ, источникъ пустынный,
Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье,
Сердца біенье и слезы въ очахъ:
Сладостно дѣвы стыдливой роптанье!
Зафна, о, Зафна, смотри... тамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались—цвѣточка ужъ нѣтъ!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынный,
Съ ревомъ который сквозь дебри течетъ!

Время погубитъ и прелесть, и младость!..
Ты улыбнулась, о дѣва любви,
Чувствуешь въ сердцѣ томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень въ крови!..
Зафна, о, Зафна, тамъ голубь невинный
Съ страстной подругой завидуютъ намъ!
Вздохи любови источникъ пустынный
Съ ревомъ и съ шумомъ умчитъ по полямъ!

XVIII. На смерть Лауры.

Изъ Петрарки, сонетъ: Rotta é l'alta collonna e'l verde lauro.

Колонна гордая, о, лавръ вѣчно зеленый,
Ты палъ, и я на вѣкъ лишенъ твоихъ прохладъ!

Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ, лучами опаленный,
Ни въ хладномъ сѣверѣ для сердца нѣтъ отрадъ!
Все смерть похитила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А ты, земля, во вѣкъ корысть не возвращала,
И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробовымъ!
Все тщетно предъ тобой—и власть, и волхвованья...
Таковъ судьбы завѣтъ!.. Почто-жъ мнѣ долѣ жить?
Увы, чтобъ повторять въ часъ полночи рыданья
И слезы вѣчныя на хладный камень лить!
Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
Я въ будущемъ мое блаженство основалъ,
Тамъ пристань видѣлъ я, покой и утѣшенье
И все съ Лаурою въ минуту потерялъ!

XIX. Вечеръ.

Подражаніе Петраркѣ, canzone IV.

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучъ потухнетъ за горою,
Склонясь на посохъ свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая отъ бремени годовъ,
Спѣшитъ, спѣшитъ съ полей подъ отдаленный кровъ.
И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной,
Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепріимной,
Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!
А я, какъ солнца лучъ потухнетъ средь небесъ,
Одинъ въ изгнаніи, одинъ съ моей тоскою,
Бесѣдую въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучъ потухнетъ средь морей,
И ночь, угрюмая владычица тѣней,
Сойдетъ съ высокихъ горъ съ отрадной тишиною,
Оратай острый плугъ увозитъ за собою
И, медленной стопой идя подъ отчій кровъ,
Поетъ простую пѣснь въ забвенье всѣхъ трудовъ,

Въ тѣни домашнихъ ларъ, и всюду сынъ послушный
Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радушный.
Онъ счастливъ... Я одинъ тоской усыновленъ,
Грущу и день, и ночь среди безмолвныхъ стѣнъ!

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ уставитъ
Въ недвижныя моря, пастухъ поля оставитъ,
Простится съ нивами, съ дубравой и ручьемъ
И гибкою лозой стада погонитъ въ домъ.
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной,
И ты, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
Тамъ, сѣти преклонивъ ко утлой ладіѣ,
(Вотъ все отъ грозныхъ бурь убѣжище твое!)
При блескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Заснулъ... И счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!

Но се блѣднѣетъ тамъ багряный небосклонъ,
И медленной стопой идутъ валы въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ.
О, пѣснопѣній мать, въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаньи горестномъ утѣха дней моихъ,
О, лира, возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе, и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой нощи,
Объятый трепетомъ, склонился на гранитъ.....
И надо мною тѣнь Лауры пролетитъ!

XX. Радость.

Подражаніе Касти.

Любимца Кипридина
И миртомъ, и розою
Вѣнчайте, о, юноши
И дѣвы стыдливыя!
Толпами сбирайтеся,

Руками сплетайтеся
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мнѣ лиру тіисскую
Камены и граціи
Вручили съ улыбкою,
И пѣсни веселію,
Пріятнѣе нектара
И слаще амврозіи,
Что пьютъ небожители,
Въ блаженствѣ безпечные,
Польются со струнъ ея!
Сегодня день радости:
Филлида суровая,
Сквозь слезы стыдливости,
„Люблю“ мнѣ промолвила.
Какъ роза, кропимая
Въ часъ утра Авророю,
Съ главой отягченною
Безцѣнными каплями,
Румянѣй становится,
Такъ ты, о, прекрасная,
Съ главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснѣя промолвила:
„Люблю“ тихимъ шопотомъ.
Все мнѣ улыбнулося;
Тоска и мученія,
И страхи, и горести
Исчезли, какъ не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему,
Межъ бисерныхъ облаковъ,
Цитерскими птицами
Къ Кноерѣ иль Паѳосу,

Цвѣтами осыпала
Меня и красавицу.
Все мнѣ улыбнулося:
И солнце весеннее,
И рощи кудрявыя,
И воды прозрачныя,
И холмы парнасскіе!
Любимца Кипридина,
Въ любви побѣдителя,
И миртомъ, и розою
Вѣнчайте, о, юноши
И дѣвы стыдливыя!

XXI. Счастливецъ.

Подражаніе Касти.

Слышишь? Мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой;
Правитъ сильная десница
Коней сребряной браздой.

Ихъ копыта бьютъ о камень,
Искры сыплются струей,
Пышетъ дымъ, и черный пламень
Излетаетъ изъ ноздрей,

Рѣзьбой дивною и златомъ
Колесница вся горитъ;
На коврѣ ея богатомъ
Кто жъ, Лизета, кто сидитъ?

Временщикъ, вельможъ любимецъ
Что на откупъ городъ взялъ...
Ахъ, давно ли онъ у крылецъ
Пыль смиренно обметалъ!

Вотъ онъ съ нами поравнялся
И едва кивнулъ главой,
Вотъ ужъ молніей промчался,
Пыль оставя за собой.

Добрый путь! Пока лелѣетъ
Въ колыбели счастье васъ!
Поздно-ль, рано-ль, но приспѣетъ
И невзгоды страшный часъ.

Ахъ, Лизета, льзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?
Не ему счастливымъ зваться
Съ развращенною душой!

Тамъ, гдѣ хитростью искусства
Розы въ зиму расцвѣли,
Тамъ, гдѣ все плѣняетъ чувства,
Дань морей и дань земли,

Мраморъ дивный изъ Пароса
И кораллы на стѣнахъ,
Тамъ, гдѣ въ роскоши Паѳоса
На узорчатыхъ коврахъ

Счастья шаткаго любимецъ
Съ нимфами забвенье цьетъ,
Тамъ же слезы сей счастливецъ
Отъ людей украдкой льетъ.

Блѣденъ ночью Крезъ несчастный
Шепчетъ тихо, чтобъ жена
Не вняла сей гласъ ужасный:
„Мнѣ погибель суждена!“

Сердце наше—кладезь мрачной:
Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
Но спустись ко дну... Ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Душъ великихъ сладострастье,
Совѣсть, зоркій стражъ сердецъ,
Безъ тебя ничтожно счастье,
Гибель—злато и вѣнецъ!

XXII. Отрывокъ изъ элегіи.

. . . . . .

О, пока безцѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость
И, сливая голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
Славь безпечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютной
Мы услышимъ смерти зовъ,
То какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!
Такъ лилейными руками
Цѣпью нѣжною обвей,
Съедини уста съ устами,
Душу въ пламени излей!
И тогда тропой безвѣстной,
Долу къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестной,
Проведетъ насъ по цвѣтамъ
Въ тотъ Элизій, гдѣ все таетъ
Чувствомъ нѣги и любви,

Гдѣ любовникъ воскресаетъ
Съ новымъ пламенемъ въ крови,
Гдѣ, любуясь пляской грацій,
Нимфъ, сплетенныхъ въ хороводъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.
Тамъ, подъ тѣнью миртовъ зыбкой,
Намъ любовь сплететъ вѣнцы,
И привѣтливой улыбкой
Встрѣтятъ нѣжные пѣвцы.

XXIII. Посланіе графу М. Ю. Велеурскому.

О, ты владѣющій гитарой трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Воспомни, милый графъ, счастливы времена,
Когда насъ—юношей—увидѣла Двина,
Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ любви я началъ воевать
И новый регламентъ и новые законы
Въ глазахъ прелестницы читать!
Заря весны моей! Тебя какъ не бывало!
Но сердце въ той странѣ съ любовью отдыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный трубадуръ!
Обѣтованный край, гдѣ вѣтренный Амуръ
Прелестнымъ личикомъ любезный полъ даруетъ,
Подъ дымкой на груди лилеи образуетъ,
Какими бъ и у насъ гордилась красота,
Вливаетъ томный огнь и въ очи, и въ уста,
А въ сердце юное—любви прямое чувство.
Счастливыя мѣста, гдѣ нравиться искусство
Не нужно для мужей,
Сидящихъ съ трубками вкругъ угольныхъ огней
За сыромъ выписнымъ, за Гамбургскимъ журналомъ,
Межъ тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опахаломъ,

„Люблю, люблю тебя!“ пришельцу говорятъ
И руку жмутъ ему коварными перстами!
О, мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней, и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье,
Вдохни огонь любви въ холодныя слова,
Еще отдай стихамъ потерянны права
И камни приводить въ движенье
И горы, и лѣса!
Тогда я съ сильфами взлечу на небеса
И тихо, какъ призракъ, какъ лучъ отъ неба ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины
Съ твоей гигарой сладкогласной,
Коснусь волшебныя струны,
Коснусь—и нимфы горъ при мѣсячномъ сіяньи,
Какъ тѣни легкія въ прозрачномъ одѣяньи,
Съ сильванами сойдутъ, услышатъ голосъ мой,
Наяды робкія, всплывая надъ водой,
Восплещутъ бѣлыми руками,
И майскій вѣтерокъ, проснувшись на цвѣтахъ,
Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ
Повѣетъ тихими крилами.
Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣетъ тонкій сонъ,
Отгонитъ легки сновидѣнья
И тихимъ шепотомъ имъ скажетъ: „Это онъ!
„Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!“

XXIV. Сонъ воиновъ.

Изъ поэмы Парни: Иснель и Аслега, пѣснь 3-я.

Битва кончилась, ратники пируютъ вокругъ зажженныхъ дубовъ.

...Но вскорѣ пламень потухаетъ,
И гаснетъ пепелъ черныхъ пней,

И томный сонъ отягощаетъ
Лежащихъ воевъ средь полей.
Сомкнулись очи, но призраки
Тревожатъ краткій ихъ покой:
Иный лѣсовъ проходитъ мраки.
Звѣрей голодныхъ слышитъ вой;
Иный на лодкѣ легкой рѣетъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ,—
Весломъ десница не владѣетъ,
И гибнетъ въ безднѣ бренный челнъ;
Иный мѣста узрѣлъ знакомы,
Мѣста отчизны, милый край,
Ужъ слышитъ псовъ домашнихъ лай
И зритъ отцовъ поля и домы
И нѣжныхъ чадъ своихъ... Мечты!
Проснулся въ безднѣ темноты!
Иный чудовище сражаетъ:
Безплодно мечъ его сверкаетъ,
Махнулъ еще—его рука,
Подъята вверхъ, окостенѣла,
Бѣжать хотѣлъ—его нога
Дрожитъ, недвижима, замлѣла;
Встаетъ, и палъ! Иный плыветъ
Поверхъ прозрачныхъ, тихихъ водъ
И пѣнитъ волны подъ рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пѣнится горой
И вдругъ обрушилась, клокочетъ;
Несчастный борется съ рѣкой,
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,
И голосъ замеръ на устахъ!
Другой бѣжитъ на полѣ ратномъ,
Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ,
Трикратъ сверкнулъ мечемъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечъ!

Звеня, упали латы съ плечъ;
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой;
Несчастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся онъ и тщетно ищетъ
И ранъ, и вражьяго копья.
Но вѣтръ шумитъ и въ рощѣ свищетъ.
И волны мутнаго ручья
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Клубятся, пѣнятся и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и холмовъ...

XXV. Мадагаскарская пѣсня.

Изъ Парни.

Какъ сладко спать въ прохладной тѣни,
Пока долину зной палитъ,
И вѣтеръ чуть въ древесной сѣни
Дыханьемъ листья шевелитъ!

Приближьтесь, жены, и руками
Сплетяся дружно въ легкій кругъ,
Протяжно тихими словами
Царя возвеселите слухъ!

Воспойте пѣсни мнѣ, дѣвицы,
Плетущей сѣти для кошницъ,
Или какъ, сидя у пшеницы,
Она пугаетъ жадныхъ птицъ.

Какъ ваше пѣнье сердцу внятно,
Какъ нѣгой утомляетъ духъ!
Какъ, жены, издали пріятно
Смотрѣть на вашъ сплетенный кругъ!

Да тихи, медленны и страстны
Тѣлодвиженья будутъ вновь,
Да всюду съ чувствами согласны
Являютъ нѣгу и любовь!

Но вѣтръ вечерній повѣваетъ,
Ужъ свѣтлый мѣсяцъ надъ рѣкой,
И насъ у кущи ожидаетъ
Постель изъ листьевъ и покой.

XXVI. Надпись къ портрету N.

И тѣломъ и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна, и столько же пригожа.

XXVII. Мои пенаты.

Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому.

Отечески пенаты,
О, пестуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ васъ на новосельи
Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ,
Гдѣ, странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскалъ себѣ пріютъ.
О, боги, будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фиміамъ
Поэтъ приноситъ вамъ,
Но слезы умиленья,

Но сердца тихій жаръ
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ!
О, лары, уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!...
Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхой и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечъ прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель,
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель.
Скудель!... Но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!

Отеческіе боги,
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ въ вѣкъ дороги
Богатство съ суетой,
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о, мой убогой
Калѣка и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой

*

Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О, воинъ, у меня,
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О, старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ,
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!....
И ты, моя Лилета,
Въ смиренной уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ, переодѣта!
Подъ шляпою мужской
И кудри золотыя,
И очи голубыя,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащъ широкой,
Мечомъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла: нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ,
И кудри распущенны
Взвѣваютъ по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной;

Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вотъ съ улыбкой нѣжной
Садится у огня,
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣтеръ межъ листами,
Мнѣ шепчетъ: „Я твоя,
„Твоя, мой другъ сердечной!“
Блаженъ, въ сѣни безпечной
Кто милою своей,
Подъ кровомъ отъ ненастья,
На ложѣ сладострастья
До утреннихъ лучей
Спокойно обладаетъ,
Спокойно засыпаетъ
Близъ друга сладкимъ сномъ.

Уже потухли звѣзды
Въ сіяніи дневномъ,
И пташки теплы гнѣзды,
Что свиты надъ окномъ,
Щебеча покидаютъ
И нѣгу отрясаютъ
Со крылышекъ своихъ;
Зефиръ листы колышетъ,
И все любовью дышетъ
Среди полей моихъ;
Все съ утромъ оживаетъ,
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣтовъ
И вѣтеръ тиховѣйной
Съ груди ея лилейной
Сдулъ дымчатый покровъ,

И въ локоны златые
Двѣ розы молодыя
Съ нарциссами вплелись;
Сквозь тонкія преграды
Нога, ища прохлады,
Скользитъ по ложу внизъ...
Я Лилы пью дыханье
На пламенныхъ устахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на пирахъ.
Покойся, другъ прелестной,
Въ объятіяхъ моихъ!
Пускай въ странѣ безвѣстной,
Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,
Богинею слѣпою
Забытъ я отъ пеленъ,
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награжденъ!
Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ,
Въ убожествѣ, съ тобой,
Мнѣ милъ шалашъ простой,
Безъ злата милъ и красенъ
Лишь прелестью твоей!

Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
Когда страстей волненье
Уснетъ, и свѣтлый умъ,
Летая въ поднебесной,
Земныхъ свободенъ узъ,

Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры музъ!)
Небесно вдохновенье,
Зачѣмъ летишь стрѣлой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной!
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ...
Что вижу? Ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ [1]),
Пѣвецъ героевъ, славы,
Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,
Плывешь по небесамъ!
Въ толпѣ и музъ, и грацій [2]),
То съ лирой, то съ трубой
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
Сливаетъ голосъ свой;
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,

---

[1]) Ломоносовъ.
[2]) Державинъ.

И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ,
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ,
То древню Русь и нравы
Владимира времянъ,
И въ колыбели славы
Рожденіе Славянъ.
За ними сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ [1]);
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!
Съ Эротами играя,
Философъ и піитъ,
Близъ Федра и Нильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями,
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,

---

[1]) Богдановичъ.

Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники-пѣты,
О, Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ харпты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ,
И въ радости взываю:
О, музы, я пѣтъ!

А вы, смиренной хаты,
О, лары и пенаты,
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И нѣгу, и покой!
Фортуна, прочь съ дарами
Блистательныхъ суетъ!
Спокойными очами
Смотрю на твой полетъ:
Я въ пристань отъ ненастья
Челнокъ мой проводилъ,
И васъ, любимцы счастья,
На вѣки позабылъ.
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ музъ,
Безпечные счастливцы,
Философы-лѣнивцы,
Враги придворныхъ узъ,
Друзья мои сердечны,
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить,
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,

Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротомъ оживить.
О, Вяземскій, цвѣтами
Друзей твоихъ вѣнчай!
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ, наливай!
Питомецъ музъ надежный,
О, Аристипповъ внукъ,
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и прохлады
На ужинахъ твоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ
И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ, и блажь
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь!
О, дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,
И мы потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;

Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы
И лѣнью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ,—
Товарищи любезны,
Не сѣтуйте о насъ!
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?... Но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ,
Иль бросьте на гробницы,
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листами повиликъ!
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливцевъ молодыхъ.

XXVIII. На смерть супруги Ѳ. Ѳ. Кокошкина.

Nell'et più bella e più fiorita...
E viva.., e bela ciel salita...
Petrarca.

Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы,
Все осиротѣло!

Плачь, любовь и дружба! Плачь, Гименъ унылый,
Счастье улетѣло!

Дружба, ты всечасно радости цвѣтами
Жизнь ея дарила,
Ты свою богиню съ воплемъ и слезами
Въ землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы
Насади вкругъ урны!
Пусть приноситъ юность въ даръ чистѣйши слезы
И цвѣты лазурны!

Все вокругъ уныло! Чуть зефиръ весенній
Памятникъ лобзаетъ;
Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти геній
Розу обрываетъ.

Здѣсь Гименъ прикованъ, блѣдный и безгласный,
Вѣчною тоскою,
Гаситъ у гробницы свой свѣтильникъ ясный
Трепетной рукою!

1812.

XXIX. Дружество.

Подражаніе Біону.

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ,
Кто любитъ и любимъ чувствительной душой!
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Перибой.
Атридовъ сынъ въ цѣпяхъ, но зависти достоинъ:
Съ нимъ другъ его Пиладъ... подъ лезвеемъ мечей.
А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героевъ и друзей,

Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною
И, друга смерть отмстивъ безтрепетной рукою,
Счастливъ... Ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

XXX. Къ В. А. Жуковскому.

Прости, балладникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель!
Ты счастливъ средь полей
И въ хижинѣ укромной,
Какъ южный соловей
Въ прохладѣ рощи темной
Съ любовью дни ведетъ,
Гнѣзда не покидая,
Невидимый поетъ,
Невидимо плѣняя
Веселыхъ пастуховъ
И жителей пустынныхъ,
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой!
О, пой, любимецъ счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Всѣ блага разсыпая
Обильною рукой,
Тебѣ подноситъ вины
И портеръ выписной,
И сочны апельсины,
И съ трюфлями пирогъ—

Весь Амальтеи рогъ,
Во вѣкъ неистощимый,
На жирный твой обѣдъ!

А мнѣ... покоя нѣтъ!
Смотри: неумолимый
Домашній Гипократъ,
Нанерсникъ Парки блѣдной,
Поповъ слуга усердной,
Чумѣ и смерти братъ,
Поклявшися латынью
И практикой своей,
Поитъ меня полынью
И супомъ изъ костей,
Безъ дальняго старанья
До смерти запоитъ,
И къ вамъ писать посланья
Отправитъ за Коцитъ!
Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко льстило,
Все, все прошло какъ сонъ:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобно тѣни,
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челѣ;
На вѣкъ исчезла сила
И доблесть прежнихъ лѣтъ.
Увы, мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ!

Вчера съ улыбкой злою
Мнѣ молвила она,
Какъ древле Громобою
Коварный сатана:
„Усопшій, миръ съ тобою!
„Усопшій, миръ съ собою“!
Ахъ, это-ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За древни прегрѣшенья?...
Нѣтъ, новыя мученья,
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Свистовъ,
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ, на риѳмы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ;
Поютъ и напѣваютъ
Съ ночи до бѣла дня,
Читаютъ и читаютъ,
И до смерти меня
Убійцы зачитаютъ!

XXXI. Отвѣтъ А. И. Тургеневу.

Ты правъ: поэтъ не лжецъ,
Красавицъ воспѣвая.
Но часто нашъ пѣвецъ,
Въ восторгѣ утопая,
Разсудка строгій гласъ
Забудетъ для Армиды;
Для двухъ коварныхъ глазъ,
Подъ знаменемъ Киприды,
Сей Новый Донъ-Кишотъ
Проводитъ вѣкъ съ мечтами,

Съ химерами живетъ,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной
И—міръ смѣшитъ собой!
Для свѣта равнодушенъ,
Для свѣта и честей,
Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей,
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и въ поляхъ.
Съ поникшей головою,
Съ унынiемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный, бродитъ,
Одно твердитъ, поэтъ:
„Любовь, любовь зоветъ...“
И рѳмы лишь находитъ!
Такъ вѣрно Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,
И мститель Купидонъ
Судилъ поэтамъ горе.
Всѣ нимфы строги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣнья;
Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ счастья розъ искали,
Цвѣтущихъ не для насъ.
Взгляните на Парнассъ:
Любовникъ строгой Лоры
Тамъ съ горести погасъ,
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы.
Тамъ Душеньки пѣвецъ,
Любимецъ нѣжной музы

И пламенныхъ сердецъ,
Любилъ, вздыхалъ всечасно,
Вездѣ искалъ мечты,
Но лирой сладкогласной
Не тронулъ красоты.
Лезбосская пѣвица,
Прекрасная въ женахъ,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила въ волнахъ...
И я клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взапуски поемъ,
Клянуся Хлоей въ томъ,
Что русскіе поэты
Толпами перешли,
Когда бъ скалу Левкада
Въ болота Петрограда
Судьбы перенесли!

XXXII. Разлука.

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая онъ сказалъ:

„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинѣ злой не пособить!
„Клянуся честью и усами
„Любви не измѣнить!

„Любви непобѣдима сила!
„Она—мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
„Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила,—
„Чего страшиться мнѣ?

„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинѣ злой не пособить!

„А если измѣню, усами
„Клянусь наказанъ быть!

„Тогда мой вѣрный конь споткнися,
„Летя во вражій станъ стрѣлой;
„Уздечка бранная порвися
„И стремя подъ ногой!

„Пускай булатъ въ рукѣ съ размаха
„Изломится какъ прутъ гнилой,
„И я, блѣднѣя весь отъ страха,
„Явлюсь передъ тобой!“

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ,
Булатъ въ бояхъ не изломался,
И честь гусара съ нимъ.

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ—игрушка,
А клятвы ихъ—слова!

Все здѣсь, друзья, измѣной дышетъ,
Теперь нѣтъ вѣрности нигдѣ!
Амуръ смѣясь всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

1813.

XXXIII. Къ Д. В. Дашкову.

Мой другъ, я видѣлъ море зла,
И неба мстительнаго кары,

Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ бѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ;
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ,
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ,
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой

*

И шумную за чашей младость,
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ,
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!...
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я жертвы мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь,
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ, —
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

XXXIV. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1-го января 1813 года.

Отрывокъ изъ большого стихотворенія.

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спалъ.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый
И на брегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.

Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣетъ,
И брошенныхъ костровъ огонь дымяся тлѣетъ,
И, хладный какъ мертвецъ,
Одинъ, среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглецъ,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвы ноги.

И всюду тишина... И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсъ возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кони:
Несутъ полки Славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копья водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ царь младой
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ-вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранной въ старости красой....

1814.

XXXV. Плѣнный.

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ,
Гдѣ миртъ душистый расцвѣтаетъ,
Склонясь къ ея водамъ,
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златой лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ.

Въ часы вечернія прохлады,
Любуяся рѣкой,

Стоялъ, склоня на Рону взгляды,
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, русскій плѣнный,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ.

„Шуми“—онъ пѣлъ—„волнами, Рона,
„И жатвы орошай,
„Но плескомъ волнъ родного Дона
„Мнѣ шумъ напоминай!
„Я въ праздности теряю время,
„Душою въ людствѣ сиръ;
„Мнѣ жизнь не жизнь безъ славы, бремя,
„И пустъ прекрасный міръ!

„Весна вокругъ живитъ природу,
„Яснѣетъ солнца свѣтъ.
„Все славитъ счастье и свободу,
„Но мнѣ свободы нѣтъ!
„Шуми, шуми волнами, Рона,
„И мнѣ воспоминай
„На берегахъ родного Дона
Отчизны милый край!

„Здѣсь прелесть—сельскія дѣвицы,
„Ихъ взоръ огнемъ горитъ
„И сквозь потупленны рѣсницы
„Мнѣ радости сулитъ...
„Какія радости въ чужбинѣ!
„Онѣ въ родныхъ краяхъ,
„Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
„И въ дебряхъ, и въ снѣгахъ.

„Отдайте-жъ мнѣ мою свободу,
„Отдайте край отцовъ,

„Отчизны вьюги, непогоду,
„На родинѣ мой кровъ,
„Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
„Ахъ, дайте мнѣ коня;
„Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
„И день, и ночь меня,

„На родину, въ сей теремъ древній,
„Гдѣ ждетъ меня краса
„И подъ окномъ, въ часы вечерни,
„Глядитъ на небеса,
„О другѣ тайно помышляетъ,
„Иль робкою рукой
„Коня ретиваго ласкаетъ,
„Тебя, соратникъ мой!

„Шуми, шуми волнами, Рона,
„И жатвы орошай,
„Но плескомъ волнъ родного Дона
„Мнѣ шумъ напоминай.
„О вѣтры, съ полночи летите
„Отъ родины моей!
„Вы, звѣзды сѣвера, горите
„Изганнику свѣтлѣй!“

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
Въ виду ліонскихъ стѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
Назначенъ долгій плѣнъ.
Онъ пѣлъ... У ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
И на златыхъ верхахъ Ліона
Лучъ солнца догоралъ.

XXXVI. Тѣнь друга.

Sunt aliquid Manes: letum non omnia finit.
Luridaque extinctos effingit umbra rogos.
Propertius.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами
И вдругъ... То былъ ли сонъ?... Предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію надъ Плейсскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
„Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,
„Ты ль это“—я вскричалъ—„о, воинъ вѣчно милой?
„Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
„При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
„Не я ли съ вѣрными друзьями

„Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
„И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
„Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
„Тѣнь незабвеннаго, отвѣтствуй, милый братъ!
„Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
„Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
„Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
„О, молви слово мнѣ! Пускай знакомый звукъ
„Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
„Пускай рука моя, о, незабвенный другъ,
„Твою съ любовію сжимаетъ!“...
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
И сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны,
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла,
Тебя, о, милый братъ, о, лучшій изъ друзей!

XXXVII. На развалинахъ замка въ Швеціи.

Уже свѣтило дня на западѣ горитъ
И тихо погрузилось въ волны.
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядитъ
На хляби и брега безмолвны,
И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
Лишь изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ,
Лишь эхо гласъ его протяжно повторяетъ
Въ безмолвіи ночномъ.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы
Задумчиво брожу и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Столбы и ветхій мостъ съ чугунными цѣпями,
Твердыни мшистыя съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо. Мертвый сонъ въ обители глухой.
Но здѣсь живетъ воспоминанье,
И путникъ, опершись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ крутой,
И вѣтръ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осребрилъ угрюмыя твердыни
Надъ спящею водой,

Тамъ воинъ нѣкогда, Одена храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань и стрѣлъ пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручилъ израненой рукой
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
„Тебѣ онъ обреченъ, о, богъ, властитель брани,
„Всегда и всюду твой!

„А ты, мой сынъ, клянись мечемъ своихъ отцовъ
„И Гелы клятвою кровавой
„На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ
„Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!“
И пылкій юноша мечъ прадѣдовъ лобзалъ
И къ персямъ прижималъ родительскія длани
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣлъ и трепеталъ.

Война, война врагамъ отеческой земли!
Суда на утро восшумѣли,
Запѣнились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли.
Въ долинахъ Нейстріи раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валгаллу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша, спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной!
Ужъ вѣетъ кроткій вѣтръ во слѣдъ твоимъ судамъ.
Герой, побѣдою избранной!
Ужъ скальды пиршество готовятъ на холмахъ,
Зри: дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ,
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь, въ мирной пристани, стѣненницей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о, юноша, слезами и мольбой
Боговъ на милость преклоняетъ.
Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,
Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами...
О, вѣй, попутный вѣтръ, вѣй тихими устами
Въ вѣтрила кораблей?

Суда у береговъ; на нихъ уже герой
Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшитъ отецъ съ невѣстою младой
И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣетъ,
Потупя ясный взоръ, краснѣетъ и блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ...

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ,
Помостъ обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
Пустыню крикомъ оглашаетъ,
Тамъ чаши радости стучали по столамъ,
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ скальды пѣли брань, и персты ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ,

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣлъ,
И трескъ щитовъ и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣснѣ сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордыя сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней...

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,
Все время въ прахъ преобратило!
Гдѣ прежде скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло.
Гдѣ храбрый ликовалъ съ дружиною своей,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу брани,
Тамъ дремлютъ притаясь двѣ трепетныя лани
До утреннихъ лучей.

Гдѣ жъ вы, о, сильные, вы, галловъ бичъ и страхъ,
Земель полнощныхъ исполины,
Роальда спутники, на бренныхъ челнокахъ
Протекши дальнія пучины?
Гдѣ жъ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикіе сыны и брани, и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
Средь копій, средь мечей?

Погибли сильные! Но странникъ въ сихъ мѣстахъ
Не тщетно камни вопрошаетъ
И руны тайныя, преданья на скалахъ
Угрюмой древности читаетъ.
Оратай ближнихъ селъ, склонясь на посохъ свой,
Гласитъ ему: „Смотри, о, сынъ иноплеменный,
„Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны,
„Почти ихъ гробъ святой!“

XXXVII. Судьба Одиссея.

Изъ Шиллера.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей,
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки.
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давножеланныхъ скалъ.
Проснулся онъ—и что жъ?... Отчизны не позналъ.

XXXIX. Элегія изъ Тибулла.

Вольный переводъ.

Мессалла, безъ меня ты мчишься по волнамъ
Съ орлами римскими къ восточнымъ берегамъ,
А я, въ Ѳеакіи оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ—и дружбой, и богами,
Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ!
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прерветъ безжалостной рукою...

Неумолимая, нѣтъ матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепелъ отъ костра?
Кто будетъ безъ тебя, о, милая сестра,
За гробомъ слѣдовать въ одеждѣ погребальной
И муро изливать надъ урною печальной?
Нѣтъ друга моего, нѣтъ Деліи со мной!
Она и въ самый часъ разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
Въ священномъ ужасѣ безсмертныхъ вопрошала;
И жребій счастливый намъ отрокъ вынималъ.
Что пользы отъ того? Часъ гибельный насталъ,
И снова Делія печальна и уныла,
Слезами полный взоръ невольно обратила
На дальній путь. Я самъ, лишенный скорбью силъ,
„Утѣшься“, Деліи сквозь слезы говорилъ,
„Утѣшься“ и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзалъ послѣднимъ лобызаньемъ.
Казалось, нѣкій богъ меня останавлялъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщалъ,
То въ день, отцу боговъ Сатурну посвященный,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О, вы, которые умѣете любить,
Страшитеся любовь разлукой прогнѣвить!
Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,
Сіи въ ночи глухой протяжны пѣснопѣнья
И волхвованье жрицъ, и мѣди звучный стонъ?
Къ чему, о, Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ
И очищенія священною водою?
Все тщетно, милая! Тибулла нѣтъ съ тобою!
„Богиня грозная, спаси его отъ бѣдъ!“
И снова Делія мастики принесетъ,
Украситъ дивный храмъ весенними цвѣтами
И съ распущенными по вѣтру волосами,
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на помостъ: и звѣзды, и луна,

До восхожденія румяныя Авроры,
Услышатъ гласъ ея и жрицъ фарійскихъ хоры.
Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
Отдай, знакомый шумъ домашняго ручья,
Отдай мнѣ Делію: и вамъ дары богаты
Я въ жертву принесу, о, лары и пенаты!
Зачѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ,
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
И кормчій не дерзалъ по хлябамъ разъяреннымъ,
Съ сидонскимъ багрецомъ, и съ золотомъ безцѣннымъ,
На утломъ кораблѣ скатиться здѣсь и тамъ;
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой,
Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной,
Не зрѣли на поляхъ столбовъ и рубежей,
И кущи сельскія стояли безъ дверей;
Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою,
Въ сосуды молоко обильною струею
Лилось изъ сосцовъ, питающихъ овецъ.
О, мирны пастыри, въ невинности сердецъ
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,
На наковальнѣ младъ не исковалъ мечей,
И ратникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.
О, вѣкъ Юпитеровъ, о времена несчастны!
Война, вездѣ война и гладъ, и моръ ужасный,
Повсюду рыщетъ смерть—на сушѣ, на водахъ!
Но ты, держащій громъ и молнію въ рукахъ,
Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ!
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломенъ;
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,

И если мой конецъ безвременный насталъ,
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
„Тибуллъ, Месаллы другъ, здѣсь съ миромъ почиваетъ“.
Единственный мой богъ и сердца властелинъ,
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы нѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій приведешь таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный май межъ рощей и полей,
Гдѣ расцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы,
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы.
Тамъ слышно пѣнье птицъ и шумъ біющихъ водъ,
Тамъ дѣвы юныя, сплетяся въ хороводъ,
Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привидѣнья.
И тотъ, кого постигъ, въ минуту упоенья,
Въ объятіяхъ любви неумолимый рокъ,
Тотъ носитъ на челѣ изъ свѣжихъ миртъ вѣнокъ.
А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ,
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,
Мегера страшная и Тизифона тамъ,
Съ челомъ опутаннымъ шипящими зміями,
Бѣгутъ на дикій брегъ за блѣдными тѣнями.
Гдѣ скрыться? Адскій песъ лежитъ у мѣдныхъ вратъ,
Рыкаетъ зѣвъ его... и рой тѣней назадъ!
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энколадъ и Тифій преогромный
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей.
Тамъ хищный Иксіонъ, окованный зміей,
На быстромъ колесѣ вертится безконечно,
Тамъ въ жаждѣ пламенной Танталъ безчеловѣчной
Надъ хладною рѣкой сгараетъ и дрожитъ...
Все тщетно! Вспять вода коварная бѣжитъ,
И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.

Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
И разлучилъ меня, о, Делія, съ тобой!
Но ты, мнѣ вѣрная, другъ милой и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей!
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопасной
Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ ясной
И, тихо вретено кружа въ рукѣ своей,
Разскажетъ повѣсти и были старыхъ дней,
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ, и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
Падетъ... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый геній.
Бѣги на встрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ:
Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда жъ Аврора намъ, когда сей день блаженный
На розовыхъ коняхъ въ блистаньи принесетъ,
И Делію Тибуллъ въ восторгѣ обойметъ?

1815.

XL. Посланіе И. М. Муравьеву-Апостолу.

Ты правъ, любимецъ музъ! Отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ!
Кто бъ ни былъ—пламенный ораторъ иль піитъ,
Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества нѣмого подражатель,
Наперсникъ музъ, позналъ отъ колыбельныхъ дней,
Что долженъ быть жрецомъ парнасскихъ алтарей.
Младенецъ счастливый, уже любимецъ Феба,

Онъ, съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба,
На зелень, на цвѣты, на зыбку сѣнь древесъ,
На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ:
Онъ, къ лону матери приникнувъ, улыбался,
Когда веселый май цвѣтами убирался,
И жавронокъ вился надъ зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь сводъ лазоревый подернетъ облистаньемъ—
Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.
Что видѣлъ въ юности предъ хижиной родной,
Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра житель,
Того въ душѣ своей до позднихъ дней хранитель
Желаетъ въ пѣсняхъ музъ потомству передать,
Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную печать
Въ твореньяхъ генія, испытанныхъ вѣками:
Изъ мѣстъ, гдѣ Мантуа красуется лугами,
И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,
Отъ милыхъ лиръ своихъ отторженный пінтъ,
Въ чертоги Августа судьбой перенесенной,
Жалѣлъ о васъ, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ
И Титира свирѣль потомству передалъ.
Но тамъ ли, гдѣ всегда роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля счастливыя даритъ,
Таланта колыбель и область Піеридъ?
Нѣтъ, нѣтъ! И въ сѣверѣ любимецъ ихъ не дремлетъ,
Но гласу громкому самой природы внемлетъ,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихій враждебныхъ бой,
Ревущіе со скалъ угрюмыхъ водопады,
Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя громады
Иль моря шумнаго необозримый видъ,
Все, все возноситъ умъ, все сердцу говоритъ

Краснорѣчивыми, но тайными словами
И огнь поэзіи витаетъ между нами.
Близъ Колы пасмурной, средь дикихъ рыбарей,
Въ трудахъ воспитанный, уже отъ юныхъ дней
Нашъ Пиндаръ чувствовалъ сей пламень потаенный,
Сей огнь зиждительный, даръ Бога драгоцѣнный,
Отъ юности въ душѣ небеснаго залогъ,
Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ, какъ пророкъ.
Онъ сладко трепеталъ, когда сквозь мракъ тумана
Стремился по зыбямъ холоднымъ океана
Къ необитаемымъ, безплоднымъ островамъ
И мрежи разстилалъ по новымъ берегамъ:
Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенной
Стоитъ въ безмолвіи надъ бездной разъяренной
Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,
Прислушивая волнъ однообразный шумъ.
Лицо горитъ его, грудь тягостно вздыхаетъ,
И сладкая слеза ланиту орошаетъ,
Слеза, извѣстная таланту одному!
Въ красѣ божественной любимцу своему,
Природа, ты не разъ на сѣверѣ являлась
И въ пламенной душѣ на вѣки начерталась!
Исполненный всегда видѣньемъ первыхъ лѣтъ,
Какъ часто воспѣвалъ восторженный поэтъ
Дрожащій, хладный блескъ полуночной Авроры
И льдяныя, въ моряхъ носимы вѣтромъ горы,
И Уну, спящую средь звонкихъ камышей,
И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей!
Въ Пальмирѣ сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
Державинъ камскія воспоминалъ дубравы,
Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ.
На тучны пажити приволжскихъ береговъ
Какъ часто Дмитріевъ, расторгнувъ свѣтски узы,
Водилъ насъ по слѣдамъ своей счастливой музы,
Столь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ водъ,

*

На коихъ въ первый разъ зрѣлъ солнечный восходъ
Нѣвецъ сибирскаго Пизарра вдохновенный!
Такъ, свыше нѣжною душою одаренный,
Пѣтъ отъ юности до сребряныхъ власовъ
Лелѣетъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
На жизненномъ пути ему даруетъ геній
Неизсякаемый источникъ наслажденій
Взамѣну счастія и скудныхъ міра благъ:
Съ нимъ муза тайная живетъ во всѣхъ мѣстахъ
И въ мірѣ дивный міръ любимцу созидаетъ.
Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играетъ,
Пускай не знаемый, безъ злата и честей,
Съ главой поникшею онъ бродитъ межъ людей,
Пускай Фортуною отъ дѣтства удостоинъ,
Онъ будетъ судія, министръ иль въ полѣ воинъ,
Но музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнитъ!
Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все пѣтъ,
Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ духомъ.
Все сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ, слухомъ,
Всѣмъ наслаждается и всюду наконецъ
Готовитъ Фебу дань его грядущій жрецъ.

XLI. Странствователь и домосѣдъ.

Объѣхавъ свѣтъ кругомъ,
Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ каминомъ
Сижу и думаю о томъ,
Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ,
Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
Все видѣлъ, все узналъ,—и чтожъ? Изъ-за морей
Ни лучше, ни умнѣй
Подъ кровъ домашній воротился.
Поклонникъ суетнымъ мечтамъ,
Онъ осужденъ искать...—чего—не знаетъ самъ!
О странникѣ такомъ скажу я повѣсть вамъ.

Два брата, Филалетъ и Клитъ, смиренно жили
Въ предмѣстіи Аѳинъ подъ кровлею одной;
Въ довольствѣ? Не скажу, но съ бодрою душой
Встрѣчали день и ночь спокойно проводили,
Затѣмъ что по трудахъ всегда пріятенъ сонъ.
Вдругъ умеръ дядя ихъ, аѳинскій Гарпагонъ,
И братья-бѣдняки—о радость!—получили
Не помню сколько минъ монеты золотой
Да кучу серебра! сосуды и амфоры
Отдѣлки мастерской.
Наслѣдственнымъ добромъ свои насытя взоры,
Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
„Какъ думаешь своей казной распоряжить?“
Клитъ спрашивалъ у брата,
„А я такъ домъ хочу купить
„И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
„Подъ сѣнью отчаго пената.
„Землицы уголокъ не будетъ лишній намъ:
„Отъ дѣтства я любилъ ходить за виноградомъ,
„Водиться знаю съ стадомъ,
„И дѣтямъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ.
„А ты какъ думаешь?“ „О, я съ тобой несходенъ;
„Я пресмыкаться не способенъ
„Въ толпѣ гражданъ простыхъ,
„И съ помощью наслѣдства,
„Для дальнихъ замысловъ моихъ,
„Благодаря богамъ, теперь имѣю средства!“
„Чего же хочешь ты?“ „Я?.. Славенъ быть хочу“.
„Но чѣмъ?“ „Какъ чѣмъ? умомъ, дѣлами
„И краснорѣчьемъ, и стихами;
„И мало ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
„Дѣлиться мудростью съ жрецами:
„Зачѣмъ сей созданъ міръ? Кто правитъ имъ и какъ?
„Гдѣ кончится земля? Гдѣ гордый Нилъ родится?

„Зачѣмъ подъ пеленой сокрытъ Изиды зракъ,
„Зачѣмъ горящій Фебъ все къ западу стремится?
„Какое счастье, милый братъ!
„Я буду въ мудрости соперникъ Пиѳагора,
„Въ Аѳинахъ обо мнѣ тогда заговорятъ,
„Въ Аѳинахъ?.. Что сказалъ! Отъ Нила до Босфора
„Прославится твой братъ, твой вѣрный Филалетъ!
„Какое счастье! десять лѣтъ
„Я стану ѣсть траву и нѣмъ какъ рыба буду,
„Но краснорѣчья даръ, конечно, не забуду.
„Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ
„И площадь нашу посѣщалъ
„Не даромъ.
„Не стану я моимъ превозноситься даромъ,
„Какъ нашъ Алкивіадъ, ораторъ слабыхъ женъ,
„Или надутый Демосѳенъ,
„Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами.
„Нѣтъ, нѣтъ, я каждаго полезными рѣчами
„На площади градской намѣренъ просвѣщать!
„Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимать;
„Съ народомъ шумные восторги раздѣляя
„И слезы радости подъ мантіей скрывая,
„Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называть.
„Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
„Когда—повѣришь ли?—Гликерія сама
„На площади, съ толпою,
„Меня провозгласитъ оракуломъ ума,
„Ума и, можетъ быть, любезности. Конечно,
„Любезностью сердечной
„Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще.
„Тогда Аѳиняне забудутъ Демосѳена
„И Кратеса въ плащѣ,
„И бочку шута Діогена,
„Которую—смотри!—онъ катитъ мимо насъ!“
„Прощай же, братецъ, въ добрый часъ!

„Счастливаго пути къ премудрости желаю“,
Клитъ молвилъ краснобаю;
„Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержать!“
Вздохнулъ, пожалъ плечьми и къ городу опять
Пошелъ домашній бытъ и домикъ снаряжать.
А Филалетъ? Въ Пирею,
Чтобъ судно тирское застать
И въ Мемфисъ полетѣть съ румяною зарею,
Признаться, онъ вздохнулъ, начавши Одиссею,
Надолго разставаясь съ нею?
Семь дней на кораблѣ
Зѣвая
Проказникъ нашъ сидѣлъ
И на море глядѣлъ,
Отъ скуки самъ съ собой вполголосъ разсуждая:
„Да гдѣ жъ тритоны всѣ? Гдѣ стаи нереидъ?
„Гдѣ скрылися онѣ съ толпой океанидъ?
„Я ни одной не вижу въ морѣ?“
И не увидѣлъ ихъ. Но вѣтеръ свѣжій вскорѣ
Въ Египетъ странника принесъ.
Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ,
Уже въ святилище премудрости вступаетъ,
Какъ мумія, сидитъ среди бородъ сѣдыхъ
И десять дней зѣваетъ
За поученьемъ ихъ
О жертвахъ каменной Изидѣ,
Объ Аписѣ-быкѣ иль грозномъ Озиридѣ,
О псахъ Анубиса, о чеснокѣ святомъ,
Усердно славимомъ на Нилѣ,
О кровожадномъ крокодилѣ
И о котѣ большомъ.
„Какія глупости, какое заблужденье!
„Клянуся Поллуксомъ, нѣтъ слушать болѣ силъ!“
Грекъ молвилъ, потерявъ и важность, и терпѣнье,
Съ скамьи, какъ бѣшеный, вскочилъ

И псу священному—о, ужасъ!—наступилъ
На божескую лапу.
Скорѣе въ руки посохъ, шляпу,
Скорѣй изъ Мемфиса бѣжать
Отъ гнѣва старцевъ разъяренныхъ,
Отъ крокодиловъ, псовъ и луковицъ священныхъ
И между Грековъ просвѣщенныхъ
Любезной мудрости искать.
На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Кротону.
Въ Кротонѣ бьетъ челомъ смиренно Агатону,
Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,
Жестокому врагу и мяса, и бобовъ
(Ихъ въ гнѣвѣ Пиѳагоръ, его учитель славный,
Проклятьемъ страшнымъ поразилъ,
Затѣмъ что у него желудокъ неисправный
Бобовъ и мяса не варилъ).
„Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ учиться?"
У Грека старецъ вопросилъ
Съ усмѣшкой хитрою. „Итакъ, прошу садиться
„И слушать пѣнье сферъ... Ты слышишь?" „Ничего!"
„А видишь ли въ девятомъ мірѣ
„Духовъ, летающихъ въ эѳирѣ?"
„И менѣе того!"
„Увидишь, попостись ты года три, четыре
„Да лѣтъ съ десятокъ помолчи;
„Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь бреннымъ взоромъ
„Всѣ тайной мудрости лучи,
„Обнимешь, я тебѣ клянуся Пиѳагоромъ!"
„Согласенъ, такъ и быть!"
Но Греку шутка ли и день не говорить?
А десять лѣтъ молчать, молчать, да все поститься...
Зачѣмъ? Чтобъ мудрецомъ,
Съ морщиннымъ отъ поста и мудрости челомъ,
Въ Аѳины возвратиться?
„О, нѣтъ!"

Чрезъ сутки возопилъ голодный Филалетъ:
„Юпитеръ далъ мнѣ умъ съ разсудкомъ
„Не для того, чтобъ я ходилъ съ пустымъ желудкомъ!
„Я мудрости такой покорнѣйшій слуга;
„Прощайте жъ навсегда, кротонски берега!“
Сказалъ, и къ Этнѣ путь направилъ—
За дѣломъ: чтобъ на ней узнать, зачѣмъ и какъ
Изношенный башмакъ
Философъ Эмпедоклъ предъ смертью тамъ оставилъ.
Узналъ, и съ вѣстью сей
Онъ—въ Грецію скорѣй,
Съ усталой отъ заботъ и праздности душою,
Повсюду гость среди людей,
Вездѣ за трапезой чужою,
Нашъ странникъ обходилъ
Поля, селенія и грады,
Но счастія не находилъ
Подъ небомъ счастливымъ Эллады.
Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣщалъ,
Забавы, зрѣлища, ристанья
И даже прорицанья
Безъ вѣры вопрошалъ,
Но хижину отцовъ нерѣдко вспоминалъ,
Въ ненастье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,
Какъ червемъ, тайною снѣдаемый тоскою.
Притомъ же кошелекъ
У Грека сталъ легокъ,
А ночью, какъ онъ шелъ черезъ Лаконски горы,
Отбили у него
И остальное воры.
Счастливъ еще, что жизнь не отняли его!
„Но жизнь безъ денегъ что? Мученье нестерпимо!“
Такъ думалъ Филалетъ,
Тащась полунагой въ степи необозримой.

Три раза солнца свѣтъ
Смѣнялся мракомъ ночи,
Но странника не зрѣли очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,
Да горъ въ дали туманной цѣпь,
Илотовъ и воровъ ужасныя жилища.
Что дѣлать въ горѣ, что начать!
Придется умирать
Въ пустынѣ, одному, безъ помощи, безъ пищи.
„Нѣтъ, боги, нѣтъ!“
Терзая грудь, вопилъ несчастный Филалетъ.
„Я знаю, какъ покинуть свѣтъ,
Не стану голодомъ томиться!“
И межъ кустовъ рѣку завидя вдалекѣ,
Онъ бросился къ рѣкѣ—
Топиться!
„Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?“
Несчастному вскричалъ скептическій мудрецъ,
Памфилъ сѣдобородой,
Который надъ водой, любуяся природой,
Одинъ съ клюкой тихонько брелъ
И, къ счастью, странника нашелъ
На краѣ гибельной напасти.
„Топиться хочешь ты? Согласенъ, но сперва
„Повѣдай мнѣ, твоя спокойна ль голова?
„Разсудокъ ли тебя влечетъ въ рѣку, иль страсти?
„Разсудокъ? Но его что намъ вѣщаетъ гласъ?
„Что жизнь и смерть равны для насъ,
„Равны: такъ не зачѣмъ топиться!
„Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться
„У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можетъ быть счастливъ!“
Кто жить совѣтуетъ, всегда краснорѣчивъ!
И нашъ герой остался живъ.
Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою,
Въ тѣни привѣтливой смоковницъ и оливъ,

Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,
Гдѣ старецъ десять лѣтъ
Провелъ въ молчаніи глубокомъ
И въ вѣчность проникалъ своимъ орлинымъ окомъ,
Забывъ людей и свѣтъ.
Вотъ тамъ-то ужинъ иль обѣдъ
Простой, но очень здравый,
Находитъ Филалетъ:
Орѣхи, жолуди и травы,
Большой сосудъ воды и—только. Боже мой,
Какъ сладостно искать для трапезы такой
Въ утѣхахъ мудрости приправы!
Итакъ, въ томъ дива нѣтъ, что съ спутникомъ Памфилъ
Объ атараксіи [1]) тотчасъ заговорилъ.
„Все призракъ!“ подъ конецъ хозяинъ заключилъ,
„Богатство, честь и власти.
„Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти,
„И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,
„Все призракъ!“ „Сновидѣнье!“
Со вздохомъ повторялъ унылый Филалетъ,
Но глядя на сухой обѣдъ,
Вскричалъ: „Я голоденъ!“ „И это заблужденье,
„Все грубыхъ чувствъ обманъ, не сомнѣвайся въ томъ!“
Недѣлю попостясь оъ брадатымъ мудрецомъ,
Нашъ призракъ-Филалетъ рѣшился изъ пустыни
Отправиться въ Аѳины.
Пора, пора блеснуть на площади умомъ,
Пора съ философомъ разстаться,
Который насъ не даромъ научилъ,
Какъ жить и въ жизни сомнѣваться!
Услужливый Памфилъ
Монетъ съ десятокъ самъ бродягѣ предложилъ,
Котомкой съ желудьми сушеными ссудилъ

---

[1]) Душевное спокойствіе.

И въ часъ румянаго разсвѣта
Самъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тайгета
На путь аѳинскій Филалета.
Вотъ странникъ нашъ идетъ и день и ночь одинъ;
Проходитъ Арголиду,
Коринѳъ и Мегариду;
Вотъ Аттика, и вотъ дымъ сладостный Аѳинъ,
Керамикъ съ рощами, предмѣстія начало,
Тамъ воды Иллиса!.. Въ немъ сердце задрожало:
Онъ грекъ,—то мудрено-ль, что родину любилъ,
Что землю цѣловалъ съ горячими слезами,
Въ восторгѣ внѣ себя съ деревьями, домами
Заговорилъ!
Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,
Когда волненьями судьбины
Въ отчизну брошенный изъ дальнихъ странъ чужбины,
Увидѣлъ наконецъ адмиралтейскій шпицъ,
Фонтанку, этотъ домъ и столько милыхъ лицъ,
Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!
Я самъ...
Но дѣло все теперь о Филалетѣ,
Который, опершись на каѳедру, стоитъ
И ждетъ опять денницы
На милой площади аттической столицы.
Замѣтьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотѣли,
Съ какимъ царемъ, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремѣли,
Предвѣстники народныхъ бѣдъ.
Такъ рѣчью ихъ сразить желая, Филалетъ
Всѣхъ раньше на помостъ погибельный взмостился.
И вотъ блеснулъ Авроры свѣтъ,
А съ нимъ и шумъ дневной родился.
Народъ зашевелился:
Въ Аѳинахъ, какъ вездѣ, часъ утра—часъ суетъ.

На площадь побѣжалъ ремесленникъ, поэтъ,
Поденьщикъ, говорунъ, съ товарами купчина,
Софистъ, архонтъ и Фрина,
Съ толпой невольницъ и сиренъ,
И бочку прикатилъ насмѣшникъ Діогенъ.
На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла.
Нахлынули, вся площадь закипѣла.
Вы помните: бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ
Народа праздными толпами,
Когда по немъ леталъ съ нагайкою казакъ
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами.
Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ
Передъ ораторскимъ амвономъ.
Знакъ поданъ: начинай! Рой шумный замолчалъ,
И риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ,
Что Аттикѣ война
Погибельна, вредна,
Потомъ велерѣчиво, ясно
По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть опасно.
„Что-жъ дѣлать?“ закричалъ съ досадою народъ.
„Что дѣлать?.. Сомнѣваться!
„Сомнѣнье мудрости есть самый зрѣлый плодъ.
„Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться —
„И не мириться, и не драться“.
Народъ всегда нетерпѣливъ.
Сперва нашъ краснобай услышалъ легкій ропотъ,
Шушуканье, а тамъ поближе громкій хохотъ,
А тамъ... Но онъ стоитъ уже ни мертвъ, ни живъ,
Разинувъ ротъ, потупивъ взгляды,
Мертвѣе во сто разъ, чѣмъ мертвецы баллады.
Еще проходитъ мигъ...
„Ну, что же! Продолжай?“ Ораторъ все ни слова:
Отъ страха, гдѣ языкъ!
За то, какой въ толпѣ поднялся страшный крикъ,
Какая туча тамъ готова!

На каѳедру летитъ градъ яблоковъ и фигъ,
И камни ужъ свистятъ надъ жертвой...
И жалкій Филалетъ, избитый, полумертвой,
Съ ступени на ступень въ отчаяньи летитъ
И падаетъ безъ чувствъ подъ вѣрную защиту
Въ объятія отверзты... къ Клиту.
Итакъ, тщеславнаго спасаетъ бѣдный Клитъ,
Простякъ, безграмотный, презрѣнный,
Въ Аѳинахъ дни влачить безъ славы осужденный!
Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,
Нахальныхъ крикуновъ толкаетъ на пути,
Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады проситъ
И брата своего, какъ старика Эней,
Къ порогу хижины своей
На раменахъ доноситъ.
Какъ брата въ хижинѣ лелѣетъ добрый Клитъ!
Не сводитъ глазъ съ него, съ нимъ сладко говоритъ
Съ простымъ, но сильнымъ чувствомъ!
Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ искусствомъ.
Въ три дня страдалецъ нашъ оправился и всталъ
И брату кинулся на шею со слезами;
А братъ гостей назвалъ
И жертву воскурилъ предъ отчими богами.
Весь домикъ въ суетахъ! Жена и рой дѣтей
Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
Во всемъ на мать свою похожихъ,
На пиршество несутъ для радостныхъ гостей
Простой, но щедрый даръ наслѣдственныхъ полей,
Румяное вино, янтарный медъ Гимета...
И чаша поднялась за здравье Филалета!
„Пей, ѣшь и веселись, нежданный сердца гость!“
Всѣ гости за одно съ хозяиномъ вскричали.
И что же? Филалетъ, забывъ въ народѣ злость,
Бѣды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорилъ

Въ восторгѣ о тебѣ, великолѣпный Нилъ!
А дней черезъ пятокъ, не болѣ,
Наскуча видѣть все одно и тоже поле,
Все тѣ же лица всякій день,
Нашъ грекъ—повѣрите-ль?—какъ въ клѣткѣ стосковался.
Онъ началъ по лѣсамъ прогуливать ужъ лѣнь,
На горы ближнія взбирался,
Бродилъ всю ночь, весь день шатался,
Потомъ Аѳины сталъ тихонько посѣщать,
На милой площади опять
Зѣвать,
Съ софистами о томъ, объ этомъ толковать;
Потомъ, провѣдавъ онъ отъ старыхъ грамотѣевъ,
Что въ мірѣ есть страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна,
За розами побрелъ... въ снѣга Гипербореевъ.
Напрасно Клитъ съ женой ему кричали вслѣдъ
Съ домашняго порога:
„Братъ милый, воротись, мы просимъ, ради Бога!
„Чего тебѣ искать въ чужбинѣ? Новыхъ бѣдъ,
„Откройся, что̀ тебѣ въ отечествѣ немило?
„Иль дружество тебя, жестокій, огорчило?
„Останься, милый братъ, останься, Филалетъ!“
Напрасныя слова! Чудакъ не воротился,
Рукой махнулъ и скрылся.

XLII. Надпись къ портрету графа Эммануила Сенъ-При.

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но лиліямъ отцовъ онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и доблесть Дюгесклина.

XLIII. Таврида.

Другъ милый, ангелъ милый, сокроемся туда,
Гдѣ волны кроткія Тавриду омываютъ,
И Фебовы лучи съ любовью озаряютъ
Имъ древней Греціи священныя мѣста!
Мы тамъ, отверженные рокомъ,
Равны несчастіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ,
Забудемъ имена фортуны и честей.
Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ лугами,
Гдѣ кони дикіе стремятся табунами
На шумъ студеныхъ струй, кипящихъ подъ землей,
Гдѣ путникъ съ радостью отъ зноя отдыхаетъ
Подъ говоромъ древесъ, пустынныхъ птицъ и водъ,
Тамъ, тамъ насъ хижина простая ожидаетъ,
Домашній ключъ, цвѣты и сельскій огородъ.
Послѣдніе дары фортуны благосклонной,
Васъ пламенны сердца привѣтствуютъ стократъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ палатъ
Пальмиры сѣвера огромной!
Весна-ли красная блистаетъ средь полей,
Иль лѣто знойное палитъ изсохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, водолей
Валитъ шумящій дождь, сѣдой туманъ и мраки,—
О, радость, ты со мной встрѣчаешь солнца свѣтъ
И, ложе счастія съ денницей покидая,
Румяна и свѣжа, какъ роза полевая,
Со мною дѣлишь трудъ, заботы и обѣдъ,
Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой ночи,
Со мной, всегда со мной, твои прелестны очи
Я вижу, и голосъ твой я слышу, и рука
Въ твоей покоится всечасно.
Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно

Румяныхъ устъ, и если хоть слегка
Летающій зефиръ власы твои развѣетъ
И взору обнажитъ снѣгамъ подобну грудь,
Твой другъ не смѣетъ и вздохнуть,
Потупя взоръ, дивится и нѣмѣетъ.

XLIV. Разлука.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства,
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ
Старался усыпить встревоженныя чувства!
Ахъ, небо чуждое не лѣчитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
За мной ропталъ и волновался!
Напрасно, отъ береговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена!
Напрасно! Всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвитъ и оживляетъ.

XLV. Пробужденіе.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами,

Но я не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ, вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ
И лай борзыхъ, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива,—
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви—холодными словами.

XLVI. Воспоминанія.

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
И муза пламенникъ небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечетъ меня осиротѣлый геній,
Въ поля безплодныя, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ,
Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ лотосъ, силою волшебной врачевали [1]).
Нѣтъ, нѣтъ, себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали!
Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,

---

[1]) Лотосъ—растеніе. Смотри *Одиссею*.

Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ,
Ногой скользитъ надъ пропастями онъ,
И вѣтеръ буйный развѣваетъ
Молній гласъ его, рыданія и стонъ,—
На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье,
Тебя, послѣдній сердца другъ,
Средь бурей жизни и недугъ,
Хранитель ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго и благости Творца,
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль славы, иль конца.
Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ;
И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною,
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ...
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи [1]) гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ льетъ сребряный кристалъ,
Какъ часто средь толпы и шумной, и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ,
Я пѣнье забывалъ волшебное сиренъ
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной;
Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона
И эхо называть прекрасную училъ
Въ цвѣтущихъ пажитяхъ Ричмона [2]).
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,

---

[1]) Жувизи—замокъ близъ Парижа.

[2]) Ричмонъ—прекрасный городокъ въ окрестностяхъ Лондона, напротивъ жилища Попе. Путешественники никогда не забудутъ террасы и плѣнительныхъ видовъ Ричмона.

О, камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблести, и нравовъ!
Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальнія скалы гранитныхъ береговъ,
И села пахарей, и кущи рыбаковъ
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны [1]).
Исполненный всегда единственно тобой,
Съ какою радостью ступилъ на брегъ отчизны!
„Здѣсь будетъ“—я сказалъ—„душѣ моей покой,
„Конецъ трудамъ, конецъ и странической жизни“.
Ахъ, какъ обманутъ я въ мечтаніи моемъ!
Какъ снова счастье мнѣ коварно измѣнило
Въ любви и дружествѣ, во всемъ,
Что сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствіямъ конецъ, печалямъ—никогда!
Въ твоемъ присутствіи страданія и муки
Я сердцемъ новыя позналъ.
Онѣ ужаснѣе разлуки,
Всего ужаснѣе! Я видѣлъ, я читалъ
Въ твоемъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,
Въ твоемъ уныломъ взорѣ,
Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,
Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей
Слѣды сердечнаго терзанья...
Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ бремя жизнь! Что въ ней безъ упованья
Украситъ жребій твой
Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами.
Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,

---

[1]) Троллетана — водопадъ близъ Готенбурга, на западномъ берегу Швеціи.

Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,
Міръ, славу, суеты протекшія и горе,
Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!
Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,
Безъ дружбы, безъ любви—безъ идоловъ моихъ!...
И муза, сѣтуя, безъ нихъ
Свѣтильникъ гаситъ дарованья.

XLVII. Мой геній.

О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной!
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ;
Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милый, незабвенный
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель геній мой, любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ!
Засну ль? Приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

XLVIII. Послѣдняя весна.

Подражаніе Мильвуа.

Въ поляхъ блистаетъ май веселый,
Ручей свободно зажурчалъ,
И яркій голосъ Филомелы

Угрюмый боръ очаровалъ.
Все новой жизни пьетъ дыханье.
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерти вѣрной предвѣщанье
Въ печальномъ сердцѣ заключилъ.
Ты бродишь слабыми стопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣсами
Пустынной родины твоей:
„Простите, рощи и долины,
„Родныя рѣки и поля!
„Весна пришла, и часъ кончины
„Неотразимой вижу я!
„Такъ Эпидавра прорицанье
„Вѣщало мнѣ: въ послѣдній разъ
„Услышишь горлицъ воркованье
„И гальціоны тихій гласъ,
„Зазеленѣютъ гибки лозы,
„Поля одѣнутся въ цвѣты,
„Тамъ первыя увидишь розы,
„И съ ними вдругъ увянешь ты...
„Ужъ близокъ часъ... Цвѣточки милы,
„Къ чему такъ рано увядать?
„Закройте памятникъ унылой,
„Гдѣ прахъ мой будетъ истлѣвать;
„Закройте путь къ нему собою
„Отъ взоровъ дружбы навсегда,
„Но если Делія съ тоскою
„Къ нему приблизится, тогда
„Исполните благоуханьемъ
„Вокругъ пустынный небосклонъ
„И томнымъ листьевъ трепетаньемъ
„Мой сладко очаруйте сонъ!“
Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И гальціоны въ тихій часъ

Стенанья рощи повторяли,
А бѣдный юноша погасъ
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего,
И Делія не посѣтила
Пустынный памятникъ его.
Лишь пастырь, въ тихій часъ денницы,
Какъ въ поле стадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

XLIX. Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду
И силу въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатай неизмѣнной?

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
Онъ намъ источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его, и краше всѣхъ

Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

1816.

L. Къ другу.

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы пили чашу сладострастья..,

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?.. Онъ въ бурѣ бѣдъ исчезъ,
И мѣсто поросло крапивой,
Но я узналъ его: я сердца дань принесъ
На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ шумъ градской,
И яркій Весперъ засіяетъ
На темномъ сѣверѣ, твой другъ въ тиши ночной
Въ душѣ задумчивость питаетъ.

Отъ самой юности служитель алтарей
Богини нѣги и прохлады,
Отъ пресыщенія, отъ пламенныхъ страстей
Я сердцу въ ней ищу отрады.

Повѣришь ли? Я здѣсь, на пеплѣ храминъ стихъ,
Вѣнокъ веселія слагаю
И часто въ горести, въ волненіи чувствъ моихъ,
Потупя взоры, восклицаю:

„Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
„Всѣ дни утратами считаемъ,
„На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
„И что жъ?... ихъ урны обнимаемъ!“

Скажи, давно ли здѣсь, въ кругу твоихъ друзей,
Сіяла Лила красотою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной подъ луною:

Нравъ тихій ангела, даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи, и ланиты,
Чело открытое одной изъ важныхъ музъ
И прелесть дѣвственной хариты.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ, и тщетный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался
И въ тихой радости, какъ путникъ средь песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.

Цвѣтокъ—увы!—исчезъ, какъ сладкая мечта,
Она въ страданіяхъ почила
И, съ міромъ въ страшный часъ прощаясь навсегда,
На другѣ взоръ остановила.

Но, дружба, можетъ быть, ее забыла ты?
Веселье слезы осушило,
И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило...

Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ,
Пріязнь и дружество непрочно!

Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяетъ свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошалъ я опытность вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали,
Напрасно вопрошалъ всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвьемъ отвѣчали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летаетъ,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ,

Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ,
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя сокрылись.

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь какъ солнцемъ озаренъ,
Ногой надежною ступаю
И, съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

LI. Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко,
На сушѣ, на морѣ мы бились жестоко,
И море, и суша покорствуетъ намъ!
О, други, какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой

Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!...
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

О, други, я младость не праздно провелъ!
Съ сынами Дронгейма вы помните сѣчу?
Какъ вихорь, предъ вами я мчался на встрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣлъ.
Напрасно сдвигались народы, мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ, упали
И всадникъ, и пѣшій...владыка, и ты!...
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ,
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная въ полдень нависла съ громами,
И Гела зіяла въ соленой волнѣ,
Но волны, напрасно ярясь, хлестали.
Я черпалъ ихъ шлемомъ, работалъ весломъ...
Съ Гаральдомъ, о, други, вы страха не знали
И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ!...
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Вы, други, видали меня на конѣ.
Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
Сквозь пепелъ и вьюгу въ пожарномъ огнѣ.
Желѣзомъ я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь отважный, по морю иду!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Я въ въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ,
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы—

Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныя битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ,
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суша покорствуютъ намъ!...
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

LII. Мщеніе.

Подражаніе Парни.

Невѣрный другъ и вѣчно милый!
Зарю моихъ счастливыхъ дней
И слезы радости, и клятвы легкокрылы,
Все время унесло съ любовію твоей,
И все погибло невозвратно,
Какъ сладкая мечта, какъ утромъ сонъ пріятной!
Но все любовью здѣсь исполнено моей
И клятвы страшныя твои напоминаетъ.
Ихъ помнятъ и лѣса, ихъ помнитъ и ручей,
И эхо томное ихъ часто повторяетъ.
Взгляни, здѣсь въ первый разъ я встрѣтился съ тобой,
Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной въ садахъ Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной
Цвѣла невинностью близъ матери твоей.
Вотъ здѣсь я въ первый разъ вкусилъ надежды сладость,
Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей,
Когда твою грозила младость
Болѣзнь жестокая во цвѣтѣ погубить;
Здѣсь клялся, милый другъ, тебя не пережить,
Но съ новой прелестью ты къ жизни воскресла
И въ первый разъ люблю краснѣяся сказала
(Тому сей дикій боръ нѣмой свидѣтель былъ).
Твоя рука въ моей то млѣла, то пылала,

И первый поцѣлуй съ душею душу слилъ.
Тамъ взоръ потупленный назначилъ мнѣ свиданье
Въ зеленомъ сумракѣ развѣсистыхъ древесъ,
Гдѣ льется въ воздухѣ сирень благоуханье,
И облако цвѣтовъ скрываетъ сводъ небесъ:
Тамъ ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загремѣлъ надъ нами ярый громъ,
Все небо въ пламени зардѣлося кругомъ
И въ рощѣ сумрачной сверкало.
Напрасно! Ты была въ объятіяхъ моихъ,
И къ новымъ радостямъ ты воскресала въ нихъ!
О, пламенный восторгъ, о, страсти упоенье,
О, сладострастіе, себя, всего забвенье,
Съ ея любовію утраченны на вѣкъ,
Вы будете всегда измѣнницѣ упрекъ!
Воспоминанье ваше
Отъ времени еще прелестнѣе и краше,
Ея преступное блаженство помрачитъ
И сердцу за меня коварному отмститъ
Неизлѣчимою, жестокою тоскою.
Такъ! Всюду образъ мой увидишь предъ собою
Не въ видѣ прежняго любовника въ цѣпяхъ,
Который съ нѣжностью сквозь слезы упрекаетъ
И жребій съ трепетомъ читаетъ
Въ твоихъ потупленныхъ очахъ;
Нѣтъ, въ лютой ревности, карая преступленье,
Явлюсь, какъ блѣдное въ полуночь привидѣнье,
И всюду слѣдовать я буду за тобой:
Въ безмолвіи лѣсовъ, въ поляхъ уединенныхъ,
Въ веселыхъ пиршествахъ, тобой одушевленныхъ,
Гдѣ юность пылкая и взоръ считаетъ твой.
Въ глазахъ соперника, на ложѣ Гименея
Ты будешь съ ужасомъ о клятвахъ вспоминать,
При имени моемъ блѣднѣя
Невольно трепетать.

Когда жъ безвременно съ полей кровавой битвы
Къ Коциту позоветъ меня судьбины гласъ,
Скажу: будь счастлива въ послѣдній жизни часъ,
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы!

LIII. Посланіе къ А. И. Тургеневу.

О, ты, который средь обѣдовъ,
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для службы кроткій нравъ,
Для дѣлъ—характеръ честный дѣдовъ!
О, ты, который при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ или счастья,
Найти умѣлъ въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье!
О, ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но, бѣднаго услыша стонъ,
Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Поэта смирнаго моленье,
Доставь крупицу отъ щедротъ
Сироткамъ двумъ на прокормленье!
Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами.
Лишь „дайте имъ“! промолви—въ мигъ
Онѣ очутятся съ сергами.
Но кто онѣ? Скажу точь въ точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою.
Онѣ—вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою.
Жилъ нѣкто въ мірѣ семъ Поповъ,
Царя усердный воинъ.
Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ, слѣдственно, спокоенъ.

Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ грудным ребенкомъ и одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣдство.
Но здѣсь не все для бѣдныхъ бѣдство!
Имъ добры люди помогли,
Согрѣли, накормили
И, словомъ, какъ могли,
Сиротокъ пріютили.
Прекрасно, славно, спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай—мнѣ сказывалъ мой дѣдъ.
Враги нахлынули рѣкою,
Съ землей сравнялася Москва...
И бѣдная вдова
Опять пошла съ клюкою.
А между тѣмъ все дочь растетъ,
И нужды съ нею подрастаютъ.
День за день все идетъ, идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ:
Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы расцвѣтаетъ
И стала грація точь въ точь!
Прелестный взоръ, глаза большіе,
Румянецъ Флоры на щекахъ
И кудри льняно золотыя
На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвитъ, то пріятство,
Что ни надѣнетъ, все къ лицу!
Краса—увы!—ея богатство
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи нѣтъ насущной хлѣба!
Тургеневъ, другъ нашъ, ради неба,
Прійди на помощь красотѣ,
Несчастію и нищетѣ,
Онѣ предъ образомъ, конечно,

Затеплять чистую свѣчу,
За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

LIV. Къ цвѣтамъ нашего Горація.

Ни вьюги, ни морозы
Цвѣтовъ твоихъ не истребятъ.
Богъ лиры, богъ любви и музы мнѣ твердятъ:
Въ саду Горація не увядаютъ розы.

LV. Къ портрету Жуковскаго.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ падшею столицей
Онъ храбрымъ гимны пѣлъ, какъ пламенный Тиртей.
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насъ задумчивой цѣвницей.

LVI. Гезіодъ и Омиръ соперники.

Посвящено А. Н. Оленину, любителю древности.

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,
Народы счастливой Эллады.
Тамъ сильный владыка, надъ прахомъ отца
Окончa печальны обряды,
Ристалище славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной денницей
Бойцы выступали съ бойцами на бой,
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ полямъ,
И трижды владѣтель Колхиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѳетиды
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!

Спѣшите, залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы!
Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
И въ стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы!
При пламени свѣтломъ вздохните!
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!
Пройдя изъ края въ край гостепріимный міръ,
Лѣтами древними и рокомъ удрученный,
Здѣсь пѣсней царь Омиръ
И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоцѣнный,
Вступаютъ въ славный бой.
Колебля маслину священною рукой,
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокій начинаетъ
(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не сочетаетъ).

ГЕЗІОДЪ.

Безвѣстный юноша, съ стадами я бродилъ
Подъ тѣнью пальмовой близъ чистой Ипокрены;
Тамъ пастыря нашли прелестныя Камены,
И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

ОМИРЪ.

Мнѣ снилось въ юности: орелъ громометатель
Отъ Мелеса меня играючи унесъ
На край земли, на край небесъ,
Вѣщая: „Ты земли и неба обладатель!“

ГЕЗІОДЪ.

Тамъ лавры хижину простую осѣнятъ,
Въ пустыняхъ процвѣтутъ Темпейскія долины,
Куда вы бросите свой благодатный взглядъ,
О, нѣжны дочери суровой Мнемозины!

ОМИРЪ.

Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
Надъ царствомъ высится плачевнаго Эреба,
Какъ радостный Олимпъ стоитъ превыше неба,
Такъ выше всѣхъ боговъ властитель ихъ, Зевесъ!

ГЕЗІОДЪ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяньи Діаны,
Вы, музы, любите сплетаться въ хороводъ
Или, торжественный въ Олимпъ свершая ходъ,
Съ безсмертными вкушать напитокъ Гебы рьяный.

ОМИРЪ.

Не знаетъ смерти онъ, кровь алая тельцовъ
Не брызнетъ подъ ножемъ надъ Зевсовой гробницей,
И кони бурные со звонкой колесницей
Предъ ней не будутъ прахъ крутить до облаковъ.

ГЕЗІОДЪ.

А мы, всѣ смертные, всѣ паркамъ обреченны,
Увидимъ области подземнаго царя
И рѣки спящія, Тенаромъ заключенны,
Не льющи дань свою въ бездонныя моря.

ОМИРЪ.

Я приближаюся къ метѣ сей неизбѣжной.
Внемли, о, юноша, ты пѣлъ Труды и Дни...
Для старца ветхаго ужъ кончились они!

ГЕЗІОДЪ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжной
На синемъ Стримонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаще твоего поетъ въ послѣдній разъ!
Твой геній проницалъ въ Олимпъ, и вѣчны боги

Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что жъ? Въ юдоли сей страдалецъ искони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни!
Пѣвецъ божественный, скитаяся какъ нищій,
Въ печальномъ рубищѣ, безъ крова и безъ пищи,
Слѣпецъ всевидящій, ты будешь проклинать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

ОМИРЪ.

Твой гласъ подобится амврозіи небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей льетъ.
Пѣвецъ, въ устахъ твоихъ поэзіи прелестной
Сладчайшій Ольмія благоухаетъ медъ.
Но, музъ любимый жрецъ, страшись руки злодѣйской,
Страшись любви, страшись Эвбеи береговъ.
Твой близокъ часъ! Увы, тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную, готовитъ для враговъ!
Умолкли. Облако печали
Покрыло очи ихъ. Народъ рукоплескалъ.
Но снова сладкій бой поэты начинали
При шумѣ радостныхъ похвалъ.
Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ, гибнущихъ по прихоти царей,
Пріама древняго, съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ, и дѣтей,
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харитъ и легкихъ Оръ, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимпъ и дикій Адъ.
А юный Гезіодъ, взлелѣянный Парнассомъ,
Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
Весну, зеленую сопутницу Гіадъ,
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы родятся въ небесахъ,
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ

*

Труды годичные оратая въ поляхъ,
Заботы сладкія при сборѣ винограда.
Тебя, желанный миръ, лелѣятель долинъ,
Благословенныхъ селъ и пастырей, и стада,
Онъ пѣлъ. И слабый царь, Колхиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,
Презрѣлъ высокій гимнъ безсмертнаго Омира
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Счастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною Каменной вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
За нимъ, предъ нимъ сыны ахейскіе, какъ волны,
На край ристалища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ овна младую кровь
Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ
И музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.
До самой старости преслѣдуемый рокомъ,
Но духомъ царь не разъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ.
Рожденный въ Самосѣ, убогій сирота
Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водитъ,
Онъ съ нимъ пристанища въ Элладѣ не находитъ...
И гдѣ найдутъ его талантъ и нищета?

Вологод. Центр. ж. д.
БИБЛИОТЕКА

ПРИМѢЧАНІЕ

къ элегіи Гезіодъ и Омиръ.

Эта элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ французскихъ стихотворцевъ нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ (1816) году, въ цвѣтущей молодости. Французскія музы долго будутъ оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты нынѣ рѣдки въ отечествѣ Расина.

Многіе писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были современники. Нѣкоторые сомнѣваются, а иные и совершенно оспариваютъ это предположеніе. Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ поэмы *Труды и Дни*, жилъ въ Кумахъ, откуда онъ перешелъ въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона. Тамъ родился Гезіодъ. Музы—говоритъ онъ въ началѣ *Θεογονίи*—нашли его на Геликонѣ и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ пѣснопѣніи. Архидамій, царь Эвбейскій, умирая завѣщалъ, чтобы въ день смерти его ежегодно совершались погребальныя игры. Дѣти исполнили завѣщаніе родителя, и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи. Плутархъ, въ сочиненіи своемъ: *Пиръ семи мудрецовъ*, заставляетъ разсказывать Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ и, въ знакъ благодарности музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный въ награду. Жрица дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе сбылось: молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили его на берегахъ Эвбеи, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить объ Омирѣ. Кто не знаетъ, что первый въ мірѣ поэтъ былъ слѣпъ и нищій?

Намъ музы дорого таланты продаютъ!

1817.

LVII. Переходъ черезъ Рейнъ.

Межъ тѣмъ какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекѣ твои, о, Рейнъ, волны,
Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣляясь, стремится къ берегамъ,
На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
Глотаетъ хладную струю
И грудь усталую въ бою
Желанной влагой обновляетъ.

О, радость, я стою при рейнскихъ водахъ
И, жадные съ холмовъ въ окрестность бросая взоры,
Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,

И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньемъ древнихъ дней,
Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
Ты льешься, Реинъ величавый!

Свидѣтель древности, событій всѣхъ временъ,
О, Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны,
Мечемъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
Любимецъ счастья, бичъ свободы,
Здѣсь Кесарь бился, побѣждалъ,
И конь его переплывалъ
Твои священны, Реинъ, воды!

Вѣка мелькнули! міръ крестомъ преображенъ,
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.
Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
Тутъ совершались ихъ турниры,
Тутъ бились храбрые, и здѣсь
Не умеръ, мнится, и поднесь
Звукъ сладкой трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь, подъ тѣнію смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ нагорныхъ водопадовъ,
Въ тѣни цвѣтущихъ селъ и градовъ,
Восторгъ живетъ еще средь избранныхъ сыновъ.
Здѣсь все питаетъ вдохновенье!
Простые нравы праотцевъ,
Святая къ родинѣ любовь
И праздной роскоши презрѣнье

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и бардамъ современныхъ,
Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую, и крылья придаетъ.

Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы...
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы
Склонилъ чело, увы, позналъ и стыдъ, и плѣнъ!
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Аттилы новаго стеналъ,
И ты уныло протекалъ
Между враждебными полками?

Давно ли земледѣлъ вдоль красныхъ береговъ
Средь виноградниковъ замѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчалъ иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ зареинскихъ сыновъ?
Давно-ль они кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ среди полей
И зрѣлыхъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами,
Отъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Стеклись, нагрянули за честь твоихъ гражданъ,
За честь твердынь и селъ, и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ,

Гдѣ ангелъ мирный, свѣтозарный
Для странъ полуночи рожденъ
И Провидѣньемъ обреченъ
Царю, отчизнѣ благодарной.

Мы здѣсь, о, Реинъ, здѣсь! Ты видишь блескъ мечей,
Ты слышишь шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и взыванье
Идущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летятъ
И вотъ—коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей:
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіяетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей.
Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои,
Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и палъ угрюмый лѣсъ,
Костры надъ Реиномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ.
Тамъ ратникъ ратника объемлетъ,
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной.
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблетъ.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
Стоитъ и жаднымъ ловитъ окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.

Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣстъ
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвенникъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоненъ служитель алтарей?
Его шумя пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсъ,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіяньемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ высшей силы,
Тебѣ, Подателю побѣдъ,
Тебѣ, Незаходимый Свѣтъ,
Дымятся мирныя кадилы!

И се подвигнулись: валитъ за строемъ строй,
Какъ море шумное, волнуется все войско,
И эхо вторитъ кликъ геройской,
Досель не слышанный, о, Реинъ, надъ тобой!
Твой стонетъ брегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожитъ,
И врагъ, завидя ихъ, бѣжитъ
Отъ глазъ, вдали теряясь дымной!

XLVIII. Умирающій Тассъ.

E come alpestre e rapido torrente
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura, o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore!
Sembra languido flore!
Che più spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia, o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore?
Torrismondo, tragedia di T. Tasso.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитоліи отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ, къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ?.. Тебѣ, божественный пѣвецъ,
Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато,
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.

Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

„Друзья, о, дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
„Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище!
„Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
„О, древнее квиритовъ пепелище,
„Земля священная героевъ и чудесъ,
„Развалины и прахъ краснорѣчивый!
„Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
„Вы, тополи, вы, древнія оливы,
„И ты, о, вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
„Засѣянный костьми гражданъ вселенной,
„Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
„Безвременной кончинѣ обреченной!
„Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
„И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
„И лавры славные надъ дряхлой головой
„Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!
„Отъ самой юности игралище людей,
„Младенцемъ былъ уже изгнанникъ.
„Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
„Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
„Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
„Гдѣ мой челнокъ волнами не носился,
„Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
„Слезами скорби не кропился?
„Сорренто, колыбель моихъ несчастныхъ дней,
„Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,

„Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
„Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній!
„Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
„Увы, съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
„Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія!
„Фортуною изрытыя пучины
„Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ!
„Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
„Я тщетно на землѣ пристанища искалъ!
„Повсюду—перстъ ея неотразимый,
„Повсюду—молніи, карающи пѣвца!
„Ни въ хижинѣ оратая простова,
„Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
„Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
„Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей,
„Безславіемъ и славой удрученной,
„Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
„Карающей богинѣ обреченной!
„Друзья, но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
„Что сердце такъ и ноетъ, и трепещетъ?
„Откуда я? Какой прошелъ ужасный путь,
„И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
„Феррара, фуріи и зависти змія!..
„Куда, куда, убійцы дарованья!
„Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
„Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья,
„И въ Капитоліѣ—Виргиліевъ вѣнецъ!
„Такъ! Я свершилъ назначенное Фебомъ.
„Отъ первой юности его усердный жрецъ,
„Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ
„Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
„И въ узахъ я душой не измѣнился.
„Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей
„И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.

„Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
„На берегахъ цвѣтущихъ Іордана!
„Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
„Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
„Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
„Въ величіи и въ блескѣ гордой славы!
„Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, владыко, вождь царей,
„Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый,
„Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
„Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель,
„Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
„Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
„И Тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
„О, доблести неслыханной примѣры:
„О, нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ,
„Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
„Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
„Онъ пѣлъ, и вы не будете забвенны!
„Онъ пѣлъ, ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
„Рукою музъ и славы сплетенный...
„Но поздно! Я стою надъ бездной роковой
„И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
„И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!“

Умолкъ. Унылый огнь въ его очахъ горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной,
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ.
Съ усиліемъ еще приподнимался,
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило днѣвное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало;

Часъ смерти близился, и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ
И, оживленъ вечернею прохладой,

Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
„Смотрите“—онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ—
„Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
„Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
„Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяетъ.
„Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ,
„Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
„Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ.
„Молитеся съ надеждой и слезами!
„Земное гибнетъ все—и слава, и вѣнецъ,
„Искусствъ и музъ творенья величавы...
„Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
„Податель намъ вѣнца небренной славы,
„Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
„Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели!
„О, братья, о, друзья, не плачьте надо мной!
„Вашъ другъ давно достигъ желанной цѣли:
„Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
„Мучительной кончины не примѣтитъ.
„Тамъ, тамъ—о, счастіе!—средь непорочныхъ женъ,
„Средь ангеловъ Элеонора встрѣтитъ!“

И съ именемъ любви божественный погасъ.
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ, и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
„Погибъ Торквато нашъ“, воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
„Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій.

ПРИМѢЧАНІЕ

къ элегіи Умирающій Тассъ.

Не одна исторія, но живопись и поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его, конечно, извѣстна любителямъ словесности. Мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя подали мысль къ этой элегіи.

Т. Тассъ приписалъ свой *Іерусалимъ* Альфонсу, герцогу Феррарскому: O, magnanimo Alfonso!.. и *великодушный* покровитель, безъ вины, безъ суда заключилъ его въ больницу св. Анны, то-есть въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монтань, путешествовавшій по Италіи въ 1580 году. Странное свиданіе въ такомъ мѣстѣ перваго мудреца временъ новѣйшихъ съ величайшимъ стихотворцемъ!.. Но вотъ что Монтань пишетъ въ *Опытахъ*: „Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели съ сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя: не узналъ ни себя, ни твореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его напечатаны неисправно, безобразно“. Тассъ, къ дополненію несчастія, не былъ совершенно сумасшедшій и въ ясныя минуты разсудка чувствовалъ всю горесть своего положенія. Воображеніе, главная пружина его таланта и злополучій, нигдѣ ему не измѣняло. И въ узахъ онъ сочинялъ безпрестанно. Наконецъ, по усильнымъ просьбамъ всей Италіи, почти всей просвѣщенной Европы, Тассъ былъ освобожденъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ, два мѣсяца и нѣсколько дней). Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость критиковъ, однимъ словомъ — всѣ горести, всѣ бѣдствія, какими только можетъ быть обремененъ человѣкъ, разрушили его крѣпкое сложеніе и привели по терніямъ къ ранней могилѣ. Фортуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшительный ударъ, осыпала цвѣтами свою жертву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просьбами кардинала Цинтіо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италіи, назначилъ ему тріумфъ въ Капитоліѣ. „Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый“, сказалъ ему папа, — „не онъ прославитъ васъ, но вы его!“ Со временъ Петрарка, во всѣхъ отношеніяхъ счастливѣйшаго стихотворца Италіи, Римъ не видалъ подобнаго торжества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ желали присутствовать при вѣнчаніи Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. Въ апрѣлѣ все было готово; но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфрія и тамъ, окруженный друзьями и братіей мирной обители, на

одрѣ мученія ожидалъ кончины. Къ несчастію, вѣрнѣйшій его пріятель Константини не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи строки, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, видна вся душа пѣвца *Іерусалима*: „Что скажетъ мой Константини, когда узнаетъ о кончинѣ своего милаго Торквато? Не замедлитъ дойти къ нему эта вѣсть. Я чувствую приближеніе смерти. Никакое лѣкарство не излѣчитъ моей новой болѣзни. Она совокупилась съ другими недугами и, какъ быстрый потокъ, увлекаетъ меня... Поздно теперь жаловаться на фортуну, всегда враждебную! Не хочу упоминать о неблагодарности людей. Фортуна торжествуетъ. Нищимъ я доведенъ ею до гроба въ то время, какъ надѣялся, что слава, пріобрѣтенная наперекоръ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно безполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфрія не потому единственно, что врачи одобряютъ его воздухъ, но для того, чтобы на семъ возвышенномъ мѣстѣ, въ бесѣдѣ святыхъ отшельниковъ, начать мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я, любя и уважая тебя въ сей жизни и въ будущей — которая есть настоящая—не премину все совершить, что требуетъ истинная, чистая любовь къ ближнему. Поручаю тебя благости небесной и себя поручаю! Прости!—Римъ. Св. Онуфрій“.

Тассъ умеръ 10-го апрѣля на пятьдесятъ первомъ году, исполнивъ долгъ христіанскій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналъ Цинтіо былъ неутѣшенъ и желалъ великолѣпіемъ похоронъ вознаградить утрату тріумфа. По его приказанію, говоритъ Жингене въ *Исторіи литературы италіанской*, — тѣло Тассо было облечено въ римскую тогу, увѣнчано лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба дома кардиналовъ Альдобрандини и народъ многочисленный провожали его по улицамъ Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на того, котораго геній прославлялъ свое столѣтіе, прославилъ Италію, и который столь дорого купилъ позднія, печальныя почести.

Кардиналъ Цинтіо (или Чинціо) объявилъ Риму, что воздвигнетъ поэту великолѣпную гробницу. Два оратора приготовили надгробныя рѣчи: одну латинскую, другую италіанскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть кардинала была непродолжительна, и памятникъ не былъ воздвигнутъ. Въ обители св. Онуфрія смиренная братія показываетъ и понынѣ путешественнику простой камень съ этою надписью: Torquati Tassi ossa hic jacent. Она краснорѣчива.

Да не оскорбится тѣнь великаго стихотворца, что сынъ угрюмаго сѣвера, обязанный *Іерусалиму* лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принесть скудную горсть цвѣтовъ въ ея воспоминаніе!

LIX. Вакханка.

Подражаніе Парни.

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли.
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны
Въ чащѣ дикой и глухой.
Нимфа юная отстала.
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвѣвали,
Перевитые плющомъ,
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмеля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ,
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой;
Я настигъ: она упала,
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ,
И по рощѣ раздавались
„Эвоэ“ и нѣги гласъ!

LX. Мечта.

Подруга нѣжныхъ музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,

Гдѣ ты скрываешься, мечта, моя богиня?
Гдѣ тотъ счастливый край, та мирная пустыня,
Къ которымъ ты стремишь таинственный полетъ?
Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скалъ хребетъ,
Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
Когда на западѣ зари мерцаетъ лучъ,
И хладная луна выходитъ изъ-за тучъ?
Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
Въ мѣста, гдѣ дышетъ все любви очарованьемъ,
Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?
Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобой одушевленнымъ!
Явися! Ждетъ тебя задумчивый піитъ,
Въ безмолвіи ночномъ сидящій у лампады!
Явись и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца Аонидъ
И горесть сладостна бываетъ.
Онъ въ горести мечтаетъ.
То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
Гдѣ вѣтръ шумитъ, реветъ гроза,
Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,
По небу стелется надъ пѣннымъ океаномъ;
То съ чашей радости въ рукахъ
Она съ бардами поетъ—и мѣсяцъ въ облакахъ,
И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ внимаетъ,
И эхо по горамъ пѣснь звучну повторяетъ.
Или въ полночный часъ
Онъ слышитъ скальдовъ гласъ
Прерывистый и томный,
Зритъ: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани,

И древній царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани;
Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ,
„Чья тѣнь, чья тѣнь“—гласитъ
Въ священномъ изступленьи—
„Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
„Се ты, младой Иснель, иноплеменныхъ страхъ,
„Днесь падшій на сраженьи!
„Миръ, миръ тебѣ, герой!
„Твоей сѣкирою стальной
„Пришельцы гордые разбиты,
„Но самъ ты палъ на грудахъ тѣлъ,
„Палъ, витязь знаменитый,
„Подъ тучей вражьихъ стрѣлъ!
„Ты палъ! И надъ тобой посѣбницы небесны,
„Валкиріи прелестны,
„На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
„Съ златыми копьями въ рукахъ,
„Въ безмолвіи спустились,
„Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ, и вновь
„Глаза твои открылись!
„Течетъ по жиламъ кровь
„Чистѣйшаго эѳира,
„ И ты, безплотный духъ,
„Въ страны безвѣстны міра
Летишь стрѣлой... И вдругъ
„Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
„Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
Любовь и вѣчный пиръ.
„При шумѣ горныхъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
„Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,
„Ты будешь поражать тамъ скачущихъ оленей
„И златорогихъ сернъ!“
Склонясь на злачный дернъ,
Съ дружиною младою,

*

Тамъ снова съ арфой золотою
Въ восторгѣ скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ,
Поетъ, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды тихой ночи,
Утѣхою блестятъ.
Но вечеръ протекаетъ,
Часъ нѣги и прохладъ,
Гласъ скальда замолкаетъ...
Замолкъ, и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Оденовъ домъ,
Гдѣ дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ
Обильны яства носятъ
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ.
Такъ древній скальдъ поетъ,
Лѣсовъ и дебрей сынъ угрюмый:
Онъ счастливъ, погрузясь о счастьи въ сладки думы!

О, сладкая мечта, о, неба даръ благой!
Средь дебрей каменныхъ, средъ ужасовъ природы,
Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
Въ краяхъ изгнанниковъ я счастливъ былъ тобой!
Я счастливъ былъ, когда въ моемъ уединеньи
Надъ кущей рыбаря, въ часъ полночи нѣмой,
Раздастся вѣтровъ свистъ и вой.
И въ кровлю застучитъ и градъ, и дождь осенній.
Тогда на крыліяхъ мечты
Леталъ я въ поднебесной,

Или забывшися на лонѣ красоты,
Я сонъ вкушалъ прелестной,
И, счастливъ на яву, былъ счастливъ и въ мечтахъ!

Волшебница моя, дары твои безцѣнны
И старцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ!
Заклепы страшные съ замками на дверяхъ,
Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремныхъ пища,
Сосуды глиняны съ водой,
Все, все украшено тобой!
Кто сердцемъ правъ, того ты въ вѣкъ не покидаешь:
За нимъ во всѣ страны летаешь
И счастіемъ даришь любимца своего.
Пусть міромъ позабытъ! Что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивость въ день пасмурный, осенній,
На мирномъ ложѣ сна,
Въ уединенной сѣни
Бесѣдуетъ одна.
О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость!
Что предъ тобой сердецъ холодныхъ радость,
Веселый шумъ и блескъ гостей
Тому, кто ничего не ищетъ подъ луною,
Тому, кто сопряженъ душою
Съ могилою давно утраченныхъ друзей?
Кто въ жизни не любилъ,
Кто разъ не забывался,
Любя мечтамъ не предавался
И счастья въ нихъ не находилъ?
Кто въ часъ глубокой ночи,
Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,
Всю сладость не вкусилъ обманчивой мечты?
Теперь, любовникъ ты

На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой,
Теперь блаженствуешь, и счастливъ ты—мечтой!
Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки
И нектаромъ любви кропитъ лѣнивы маки!

Мечтаніе—душа поэтовъ и стиховъ.
И ѣдкость сильная вѣковъ
Не можетъ прелестей лишить Анакреона,
Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ
Любовницы Клеона;
А ты лежащій на цвѣтахъ
Межъ нимфъ и сельскихъ грацій,
Пѣвецъ веселія, Горацій,
Ты сладостно мечталъ,
Мечталъ среди пировъ и шумныхъ, и веселыхъ,
И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчалъ!
Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ устарѣлыхъ,
На скатѣ бархатныхъ луговъ,
Въ счастливомъ Тибурѣ, въ твоемъ уединеньи,
Ты ждалъ Глицерію и въ сладостномъ забвеньи,
Томимый нѣгою на ложѣ изъ цвѣтовъ,
При воскуреніи мастикъ благоуханныхъ,
При пляскѣ нимфъ вѣнчанныхъ,
Сплетенныхъ въ хороводъ,
При отдаленномъ шумѣ
Въ лугахъ журчащихъ водъ,
Безмолвенъ, въ сладкой думѣ,
Мечталъ... и вдругъ мечтой
Восторженъ сладострастной,
У ногъ Глицеріи стыдливой и прекрасной
Побѣду пѣлъ любви
Надъ юностью безпечной
И первый жаръ въ крови,

Счасливецъ, воспѣвалъ
Цитерскія забавы,
И всѣ заботы славы
Ты вѣтрамъ отдавалъ!

Ужели въ истинахъ печальныхъ
Угрюмыхъ стоиковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ платьяхъ погребальныхъ
Между обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость?
Отъ нихъ, я вижу, радость
Летитъ, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ.
Для нихъ нѣтъ прелестей и въ прелестяхъ природы:
Имъ дѣвы не поютъ, сплетяся въ хороводы;
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости и лѣто безъ цвѣтовъ.
Увы, но съ юностью исчезнутъ и мечтанья,
Исчезнутъ грацій лобызанья,
Надежда измѣнитъ и рой крылатыхъ сновъ!
Увы, тамъ нѣтъ уже цвѣтовъ,
Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ,
И время старости могилу открываетъ!
Но ты пребудь вѣрна, живи еще со мной!
Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой,
Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнитъ!
Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣнитъ,
Лобзая прахъ златой у мраморныхъ палатъ,
Но я и счастливъ и богатъ,
Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой!
Пусть будетъ навсегда со мной
Завидное поэтовъ свойство:
Блаженство находить въ убожествѣ мечтой.
Ихъ сердцу малость драгоцѣнна:

Какъ пчелка, медомъ отягченна,
Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,
Считая моремъ ручеекъ,
Такъ хижину свою поэтъ дворцомъ считаетъ
И счастливъ!.. Онъ мечтаетъ!

LXI. Къ Н. М. Муравьеву.

Какъ я люблю, товарищъ мой,
Весны роскошной появленье
И въ первый разъ надъ муравой
Веселыхъ жаворонковъ пѣнье!
Но слаще мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки
И ждать безпечно у огней
Съ разсвѣтомъ дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой,
Узрѣть съ нагорныя вершины
Необозримый нашихъ строй
На яркой зелени долины!
Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекій
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокій!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ,
И ружей протяженный грохотъ
Пробудитъ эхо по горамъ,
Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: „Стрѣлки,
„Впередъ! Сюда, Донцы, гусары!
„Сюда, летучіе полки,

„Башкирцы, горцы и Татары!“
Свисти теперь, жужжи, свинецъ!
Летайте, ядры и картечи!
Что вы для нихъ, для сихъ сердецъ,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?
Колонны сдвинулись какъ лѣсъ,
И вотъ... О, зрѣлище прекрасно!
Идутъ. Безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье на перевѣсъ;
Идутъ... Ура! И все сломили,
Разсѣяли и разгромили.
Ура, ура! И гдѣ же врагъ?..
Бѣжитъ... А мы въ его домахъ—
О, радость храбрыхъ!—киверами
Вино не купленное пьемъ
И подъ побѣдными громами
„Хвалите Господа“ поемъ!..
Но ты трепещешь, юный воинъ,
Склонясь на сабли рукоять;
Твой духъ встревоженъ, безпокоенъ,
Онъ рвется лавры пожинать.
Съ Суворовымъ онъ вѣчно бродитъ
Въ поляхъ кровавыя войны
И въ вяломъ мирѣ не находитъ
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся! Съ первыми громами
Къ знаменамъ славы полетишь;
Но тамъ—о, горе—не узришь
Меня, какъ прежде, подъ шатрами!
Забытый шумною молвой,
Сердецъ мучительницей милой,
Я сплю, какъ труженикъ унылый,
Не оживляемый хвалой.

LXII. Бесѣдка музъ.

Подъ тѣнью черемухи млечной
И золотомъ блистающихъ акацій
Спѣшу возстановить алтарь и музъ, и грацій,
Сопутницъ жизни молодой.
Спѣшу принесть цвѣты и ульевъ сотъ янтарный,
И нѣжны первенцы полей:
Да будетъ сладокъ имъ сей даръ любви моей
И гимнъ поэта благодарный!
Не злата молитъ онъ у жертвенника музъ:
Онѣ съ фортуною не дружны,
Ихъ крѣпче съ бѣдностью заботливый союзъ,
И болѣ въ шалашѣ, чѣмъ въ теремѣ досужны.
Не молитъ славы онъ сіяющихъ даровъ:
Увы, талантъ его ничтоженъ!
Ему отважный путь за стаею орловъ
Какъ пчелкѣ невозможенъ.
Онъ молитъ музъ—душѣ усталой отъ суетъ
Отдать любовь утраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжесть—вянущимъ безперестанно чувствамъ.
Пускай заботъ свинцовый грузъ
Въ рѣкѣ забвенія потонетъ,
И время жадное въ сей тайной сѣни музъ
Любимца ихъ не тронетъ.
Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпеченъ, какъ дитя всегда безпечныхъ грацій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть въ сѣни густой
Своихъ черемухъ и акацій!

LXIII. Къ С. С. Уварову.

Среди трудовъ и важныхъ музъ
Среди учености всемірной,

Онъ не утратилъ нѣжный вкусъ;
Еще онъ любитъ голосъ лирной,
Еще въ душѣ его огонь,
И сердце наслажденій проситъ,
И борзый Аполлоновъ конь
Отъ музъ его въ Цитеру носитъ.
Отъ пепла древняго Аѳинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима,
Съ развалинъ Трои и Солима,
Умомъ вселенной гражданинъ,
Онъ любитъ отдыхать съ Эратой
Разнообразной и живой
И часто водитъ насъ съ собой
Въ страны фантазіи крылатой.
Ему легко: онъ награжденъ,
Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттикѣ рожденъ.

1818.

LXIV. Подражаніе Аріосту.

La virginella è simile alla rosa.

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подъ сѣнію надежной!
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ,
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

LXV. Н. М. Карамзину.

Когда на играхъ Олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,

Какъ Грекъ разилъ вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ,—
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ и весь вниманье былъ.
Но въ сей толпѣ многонародной
Какъ старца слушалъ Ѳукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!
И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умиленьи.
Пускай талантъ не мой удѣлъ,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

LXVI. Посланіе къ А. И. Тургеневу.

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близъ Парголы крутой;
Есть дача или мыза,
Пріютъ для добрыхъ душъ,
Гдѣ добрая Элиза
И съ ней почтенный мужъ,
Съ открытою душою
И съ лаской на устахъ,
За трапезой простою

На бархатныхъ лугахъ,
Безъ дальняго наряда,
Въ свой маленькій пріютъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельскій ждутъ.
Тамъ мужъ съ супругой нѣжной,
Въ часъ отдыха отъ дѣлъ,
Подъ кровъ свой безмятежной
Музъ къ граціямъ привелъ.
Поэтъ, лѣнтяй, счастливецъ
И тонкій философъ,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ
Подъ тѣнію березы
О басенныхъ звѣряхъ
И рветъ парнасски розы
Въ Пріютинскихъ лѣсахъ
И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
О греческихъ богахъ,
Межъ тѣмъ какъ замѣчаетъ
Кипренскій лица ихъ
И кистію чудесной,
Съ безпечностью прелестной,
Вандиковъ ученикъ,
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ портреты,
Которые отъ Леты
Спасли бы образцовъ,
Когда бы самъ Крыловъ
И Гнѣдичъ сочиняли,
Какъ пишетъ Тянисловъ
Иль Балдусы писали,
Забывъ и вкусъ, и умъ.
Но мы забудемъ шумъ
И суеты столицы,
Изладимъ колесницы,

Ударимъ по конямъ
И пустимся стрѣлою
Въ Пріютино съ тобою.
Согласенъ?—По рукамъ!

LXVII. Изъ греческой антологіи.

I.

Изъ Мелеагра Гадарскаго.

Въ обители ничтожества унылой,
О, незабвенная, прими потоки слезъ
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минувшихъ розъ?
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни:
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе, все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите: что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о, мать-земля, съ сей данью горькихъ слезъ
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и успокой въ гостепріимной сѣни.

II.

Изъ Асклепіада Самосскаго.

Свидѣтели любви и горести моей,
О, розы юныя, слезами омоченны,
Красуйтесь въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей!
Помедлите, вѣнки, еще не увядайте!
Но если явится, пролейте на нее
Все благовоніе свое
И локоны ея слезами напитайте!

Пусть остановится въ раздумьи и вздохнетъ...
А вы, цвѣты, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!

III.

Изъ Ведила.

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чашей Вакховой Аглаю побѣдили...
О, радость! Здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты,
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной
И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты;
Здѣсь всѣ развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

IV.

Яворъ къ прохожему.

Изъ Антипатра Θессалійскаго.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется,
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завялъ... Но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли!

V.

Нереиды на развалинахъ Коринѳа.

Изъ Антипатра Θессалійскаго.

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золъ твоихъ?
Гдѣ стогны шумные и граждане счастливы?

Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,
Мусія, золото, сіяющія въ нихъ?
Увы, погибъ на вѣкъ Коринѳъ столповѣнчанный,
И самый пепелъ твой развѣянъ по полямъ!
Все пусто: мы одни взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ въ дали туманной.

VI.

„Куда, красавица?“ „За дѣломъ, не узнаешь!“
„Могу ль надѣяться?“ „Чего?“ „Ты понимаешь!“
„Не время!“ „Но взгляни: вотъ золото, считай!“
„Не болѣе? Шутишь? Такъ прощай!“

VII.

Изъ Павла Силенціарія.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья.
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любови наслажденье!

VIII.

Изъ него же.

Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры,
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ
И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ.
Я таялъ, а Лаиса млѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей.

„Что сдѣлалось, что сдѣлалось съ тобою?“
„Спокойся, ничего, безсмертными клянусь!
„Я мыслію была встревожена одною:
„Вы всѣ обманчивы, и я... тебя страшусь!“

IX.

Къ престарѣлой красавицѣ.

Изъ него же.

Тебѣ-ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Не зрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства:
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень:
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

X.

Изъ него же.

Увы, глаза потухшіе въ слезахъ,
Ланиты впалыя отъ долгаго страданья
Родятъ въ тебѣ не чувство состраданья—
Жестокую улыбку на устахъ...
Вотъ горькіе плоды любови страстной,
Плоды ужасные мученій безъ отрадъ,
Плоды любви, достойные наградъ,
Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы, какъ молнія внезапная небесъ,
Въ насъ страсти жизнь младую пожираютъ

И въ жертву безотрадныхъ слезъ,
Коварныя, навѣки покидаютъ.
Но ты, прелестная, которой мнѣ любовь
Всего—и юности, и счастія—дороже,
Склонись, жестокая!.. И я воскресну вновь,
Какъ былъ или еще бодрѣе и моложе!

XI.

Изъ него же.

Улыбка страстная и взоръ краснорѣчивый,
Въ которыхъ вся душа, какъ въ зеркалѣ, видна,
Сокровища мои... она
Жестокимъ Аргусомъ со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:
Ревнивецъ злой, страшись любви очей!
Любовь мнѣ таинство быть счастливымъ открыла,
Любовь мнѣ скажетъ путь къ красавицѣ моей:
Любовь тебя читать въ сердцахъ не научила.

XII.

Изъ него же.

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой.
Конецъ боренію, увы, всему конецъ!
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ,
Услышьте голосъ мой послѣдній и унылой!
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгораю;
Я вяну, но еще такъ пламенно люблю
И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ.

XIII.

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
Я плылъ, но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна.
О, юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Ввѣряйся челноку, плыви!

LXVIII. Князю П. И. Шаликову.

При полученіи отъ него въ подарокъ книги, имъ переведенной.

Чѣмъ заплачу вамъ, милый князь,
Чѣмъ отдарю почтеннаго поэта?
Стихами? Но давно я съ музой рушилъ связь
И безъ нея кругомъ летаю свѣта,
Съ востока къ западу, отъ сѣвера на югъ—
Не тамъ, гдѣ вы, гдѣ грацій кругъ,
Гдѣ Аполлонъ съ парнасскими сестрами,
Нѣтъ, нѣтъ, въ странѣ иной,
Гдѣ въ вѣкъ не повстрѣчаюсь съ вами:
Въ пыли, въ грязи, на тряской мостовой,
„Въ картузѣ съ козырькомъ, съ небритыми усами“,
Какъ Пушкина герой,
Воспѣтый имъ столь сильными стихами.
Такая жизнь для мыслящаго адъ.
Страданій вамъ моихъ не въ силахъ я исчислить.
Скачи туда, сюда, хоть радъ или не радъ,
Гдѣ-жъ время чувствовать и мыслить?
Но время, къ счастію, есть любить
Друзей, ихъ славу и успѣхи
И въ дружбѣ находить
Неизъяснимыя для черствыхъ душъ утѣхи.
Вотъ мой удѣлъ, почтенный мой поэтъ:
Оставя отчій край, увижу новый свѣтъ
И небо новое, и незнакомы лица,
Везувій въ пламени и Этны вѣчный дымъ,

*

Кастратовъ, оперу, фигляровъ, папскій Римъ
И прахъ, священный прахъ всемірныя столицы.
Но гдѣ бъ я ни былъ (такъ я молвлю въ добрый часъ),
Не измѣнюсь, душою тотъ же буду
И умирая не забуду
Москву, отечество, друзей моихъ и васъ!
11 сентября 1818 года.

1819.

LXIX.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Шуми же ты, шуми, угрюмый океанъ!
Развалины на прахѣ строитъ
Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ,
Но море чѣмъ себѣ присвоитъ?
Трудися, созидай громады кораблей...

LXX.

Ты пробуждаешься, о Байя, изъ гробницы
При появленіи Авроринхъ лучей,
Но не отдастъ тебѣ багряная денница
Сіянія протекшихъ дней,

Не возвратитъ убѣжищей прохлады,
Гдѣ нѣжились рои красотъ,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанутъ синихъ водъ!

1820.

LXXI. Надпись для гробницы дочери г-жи Малышевой.

О, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли,
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Имъ молви отъ меня: Не сѣтуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я
И знаю вѣчность.

1821.

LXXII. Подражанія древнимъ.

I.

Безъ смерти жизнь не жизнь, и что она? Сосудъ,
Гдѣ капля меду средь полыни!
Величественъ сей понтъ? Лазурной царь пустыни,
О, солнце, чудно ты среди небесныхъ чудъ!
И на землѣ прекраснаго столь много!
Но все поддѣльное иль втунѣ серебро...
Плачь, смертный, плачь! Твое добро
Въ рукѣ у Немезиды строгой!

II.

Скалы чувствительны къ свирѣли;
Верблюдъ прислушивать умѣетъ пѣснь любви,
Стеня подъ бременемъ; румянѣе крови—

Ты видишь—розы покраснѣли
Въ долинѣ Іемена отъ пѣсней соловья...
А ты, красавица!.. Не постигаю я.

III.

Взгляни: сей кипарисъ, какъ наша степь, безплоденъ,
Но свѣжъ и зеленъ онъ всегда.
Не можешь, гражданинъ, какъ пальма дать плода?
Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ!

IV.

Когда въ страданіи дѣвица отойдетъ,
И трупъ синѣющій остынетъ,
Напрасно на него любовь и амвру льетъ
И облакомъ цвѣтовъ окинетъ:
Блѣдна какъ лилія въ лазури васильковъ,
Какъ восковое изваянье.
Нѣтъ радости въ цвѣтахъ для вянущихъ перстовъ
И суетно благоуханье.

V.

О, смертный, хочешь ли безбѣдно перейти
За море жизни треволненной,—
Не буди гордъ и въ вѣтръ попутный опусти
Свой парусъ, счастіемъ надменный!
Не покидай руля, какъ свиснетъ ярый вѣтръ!
Будь въ счастьи Сципіонъ, въ тревогѣ брани Петръ!

VI.

Ты хочешь меду, сынъ,—такъ жала не страшись
Вѣнца побѣды—смѣло къ бою!
Ты перловъ жаждешь,—такъ спустись

На дно, гдѣ крокодилъ зіяетъ подъ водою!
Не бойся! Богъ рѣшитъ. Лишь смѣлымъ онъ отецъ,
Лишь смѣлымъ перлы, медъ иль гибель... иль вѣнецъ.

Шафгаузенъ, 7-го іюня 1821.

LXXIII. Изреченіе Мелхиседека.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мелхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

САТИРИЧЕСКІЯ ПЬЕСЫ.

1804.

I. Посланіе къ стихамъ моимъ.

Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes frères.
Voltaire.

Стихи мои, опять за васъ я принимаюсь!
Съ тѣхъ поръ, какъ музами къ несчастью обращаюсь,
Покою ни на часъ... О, мой враждебный рокъ!
Во снѣ и на яву Кастальскій льется токъ!
Но съ страстію писать я не одинъ родился:
Чуть стопы размѣрять кто только научился,
За славою бѣжитъ—и бѣдный риѳмотворъ
Въ награду обрѣтетъ не славу, но позоръ.
Куда ни погляжу, вездѣ стихи маракотъ,
Подъ кровлей пѣсенки и оды сочиняютъ.
И бѣдный Стукодѣй, что прежде былъ капралъ,
Не знаю для чего теперь поэтомъ сталъ:
Нѣтъ хлѣба ни куска, а роскошь выхваляетъ
И граціямъ стихи голодный сочиняетъ;
Пьетъ воду, а вино въ стихахъ льетъ черезъ край;
Филису намъ твердитъ: „Филиса, ты мой рай!“
Потомъ, возвысивъ тонъ, героевъ воспѣваетъ:
Въ стихахъ его и самъ Суворовъ умираетъ!
Бѣдняга, удержись, брось, брось писать совсѣмъ!
Не лучше-ли тебѣ маршировать съ ружьемъ?
Плаксивинъ на слезахъ съ ума у насъ сошелъ:

Все пишетъ, что друзей на свѣтѣ не нашелъ!
Повѣрю: вѣдь съ людьми нельзя ему ужиться,—
Итакъ, немудрено, что съ ними онъ бранится.
Безриѳминъ говоритъ о милыхъ, о сердцахъ,
Чувствительность души твердитъ въ своихъ стихахъ;
Но книгъ его—увы!—никто не покупаетъ,
Хотя ихъ Глазуновъ въ газетахъ выхваляетъ.
Глупонъ за деньги радъ намъ всякаго бранить,
И даже онъ готовъ поэмой уморить.
Иному въ умъ придетъ, что вкусъ возстановляетъ:
Мы вѣримъ всѣ ему—кругами утверждаетъ!
Другой уже спѣшитъ намъ драму написать,
За коей будемъ мы не плакать, а зѣвать.
А третій наконецъ... Но можно ли помыслить
Всѣ глупости людей въ подробности исчислить?..
Напрасный будетъ трудъ, но въ немъ и пользы нѣтъ;
Сатирою нельзя перемѣнить намъ свѣтъ.
Зачѣмъ съ Глупономъ мнѣ, зачѣмъ всегда браниться?
Онъ также на меня готовъ вооружиться.
Зачѣмъ Безриѳмину бумагу не марать?
Всякъ пишетъ для себя: зачѣмъ же не писать?
Дымъ славы, хоть пустой, любезенъ намъ, пріятенъ;
Гласъ разума—увы!—къ несчастію, не внятенъ.
Поэты есть у насъ, есть скучные врали;
Они не въ верхъ летятъ, не къ небу, но къ земли.

Давно я самъ въ себѣ, давно уже признался,
Что въ мирѣ, въ тишинѣ мой вѣкъ бы провождался,
Когда бъ проклятый Фебъ мнѣ не вскружилъ весь умъ;
Я презрилъ бы тогда и славы тщетный шумъ
И жилъ бы такъ, какъ ханъ во славномъ Кашемирѣ,
Не мысля о стихахъ, о музахъ и о лирѣ.
Но нѣтъ... Стихи мои, безъ васъ нельзя мнѣ жить,
И дня безъ риѳмъ, безъ стопъ неможно проводить!
Къ несчастью моему, мнѣ надобно признаться,
Стихи какъ женщины: намъ съ ними ли разстаться?..

Когда не любятъ насъ, хотимъ ихъ презирать,
Но все не престаемъ прекрасныхъ обожать!

1805.

II. На книгу подъ названіемъ: Смѣсь.

По чести это смѣсь:
Тутъ проза и стихи, и авторская спѣсь.

III.

Безрюмина совѣтъ:
Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье,
Быть такъ! Его-жъ, друзья, невинное творенье
Своею смертію умретъ.

1809.

IV. Мадригалъ новой Сафо.

Ты—Сафо, я—Фаонъ; объ этомъ и не спорю:
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

V. Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя нимфою.

Ты нимфа Іо, нѣтъ сомнѣнья,
Но только... послѣ превращенья!

VI.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобъ напиться.

VII. Эпиграмма на переводъ Виргилія.

Вдали отъ храма музъ и рощей Геликона
Фебъ мстительной рукой сатира задавилъ [1]);
Воскресъ уродъ и отомстилъ:
Друзья, онъ душитъ Аполлона!

---

[1]) Всѣмъ извѣстна участь Марсія.

VIII. Эпиграмма.

„Не годенъ ни къ чему Глупницкаго журналъ“.
Зоилы дерзкіе, вы ль это говорите?
Неблагодарные, я развѣ не видалъ,
Когда бывало вы табакъ со мной курите,
Когда что завернуть понадобится вамъ,
Журналъ Глупницкаго всегда тутъ пригодится.
Но я васъ накажу: ни нумера не дамъ
Журнала этого, когда вамъ не заспится.

IX. Видѣніе на берегахъ Леты.

Ma muse sage et discrète
Sait de l'homme d'honneur distinguer le poète.
Boileau.

Вчера, Бобровымъ утомленный,
Заснулъ и видѣлъ чудный сонъ:
Какъ будто свѣтлый Аполлонъ,
За что—не знаю, прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ.
Изрекъ—и всѣ упали мертвы
Невинны Аполлона жертвы.
Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъ,
Сидя на чердакѣ высокомъ,
Въ издранномъ шлафорѣ широкомъ,
Голоденъ, нагъ и утомленъ
Упрямой рифмой къ свѣтлу небу;
Другой, въ Цитеру принесенъ,
Красу умильную, какъ Гебу,
Хотѣлъ въ жару насильно..... пѣть
И пѣлъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
Вездѣ, о, милосерды боги!
Вездѣ пируетъ алчна смерть,
Косою острой быстро машетъ,
Богату ниву аду пашетъ

И губитъ Фебовыхъ дѣтей,
Какъ вѣтръ осенній злакъ полей.
Межъ тѣмъ въ Элизіи Священномъ,
Лавровымъ лѣсомъ осѣненномъ,
Подъ шумомъ Касталійскихъ водъ,
Пѣвцовъ нечаянный приходъ
Узналъ почтенный Ломоносовъ,
Херасковъ, честь и слава Россовъ,
Честолюбивый Фебовъ сынъ,
Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ,
Замысловатый Сумароковъ
И, Мельпомены другъ, Княжнинъ.
И ты сидѣлъ въ толпѣ избранной,
Стыдливой граціей вѣнчанной,
Пѣвецъ прелестныя мечты,
Между Психеи легкокрылой
И бога нѣжной красоты!
И ты тамъ былъ, наѣздникъ хилой
Строптива дѣвственницъ сѣдла,
Трудолюбивый, какъ пчела,
Отецъ стиховъ Телемахиды!
И ты, что-сотворилъ обиды
Венерѣ дѣвственной, Барковъ!
И ты, о, мой пѣвецъ незлобный,
Хемницеръ, въ басняхъ безподобный!
Всѣ словомъ, коихъ богъ пѣвцовъ
Вѣнчалъ безсмертія лучами,
Сидѣли тамъ оливъ въ тѣни,
Обнявшись съ прежними врагами;
Но спорили еще они
О томъ, о семъ и не безъ шума.
(И въ раѣ—думаю—у насъ
У всякаго своя есть дума,
Разсудокъ свой и вкусъ, и глазъ).
Садились всѣ за пиръ богатый,

Какъ вдругъ Маіинъ сынъ крылатый,
Присланный высшимъ божествомъ,
Сказалъ сидящимъ за столомъ:
„Сюда, на берегъ тихой Леты,
„За мной идутъ толпой поэты.
„Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
„Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ.
„Здѣсь опытъ будетъ правосудный!
„Стихи и проза правосудны
„Потонутъ въ мигъ... Такъ Фебъ судилъ!“
Сказалъ Эрмилъ и силой крилъ
Отъ ада къ небу воспарилъ.

„Ага“, фонъ-Визинъ молвилъ братьямъ,
„Здѣсь будетъ встрѣча не по платьямъ,
„Но по заслугамъ и уму“.
„Да много ли“, въ отвѣтъ ему
Сказалъ смѣяся Сумароковъ,
„Пѣвцовъ найдете безъ пороковъ?
„Поглотитъ Леты всѣхъ струя,
„Поглотитъ всѣхъ, иль я не я!“
„Посмотримъ“, продолжалъ въ полгласа
Пѣвецъ, проклятый отъ Парнасса [1]),
„Егда прійдутъ“... Но вотъ они,
Подобно какъ въ осенни дни [2])
Поблекши листвія древесны,
Что буря въ долахъ разнесла,
Такъ тѣнямъ симъ не вѣсть числа!
Идутъ толпой въ ущелья тѣсны
Къ рѣкѣ забвенія стиховъ,
Идутъ подъ бременемъ трудовъ;
Безгласны, блѣдны приступаютъ,

---

[1]) Тредіаковскій.
[2]) Смотри VI-ю пѣснь *Энеиды*.

Любезныхъ дѣтищей купаютъ...
И болѣе не зрятъ въ волнахъ.
Но тутъ Миносъ, пѣвцамъ на страхъ,
Старикъ угрюмый и курносый,
Чинитъ расправу и вопросы:
„Кто ты? Вѣщай!“ „Я тотъ поэтъ,
„По счастью, очень плодовитый“,
Былъ тѣни маленькой отвѣтъ,
„Я тотъ, вѣнками розъ увитый,
„Поэтъ, философъ, педагогъ,
„Который задушилъ Виргилья,
„Алкею окоротилъ крылья,
„Я здѣсь: сего бо хощетъ богъ
„И долгъ священныя природы...“ [1])
„Кто ты, болтунъ“? „Я Мер-зля-ковъ“...
„Ступай и окунися въ воды?“
„Иду... Во мнѣ вся мерзнетъ кровь...
„Душа всего, душа природы,
„Спаси... спаси меня, любовь!
„Авось!...“ „Нѣтъ, нѣтъ, болтунъ несчастный“,
Сказалъ ему Эротъ прекрасный,
Который тутъ съ Психеей былъ [2])
„Ступай, пошелъ!...“ И нѣтъ педанта!

„Кто ты?“ спросилъ допрощикъ тѣнь,
Несущу связку фоліанта.
„Увы, я цѣлу ночь и день
„Писалъ, пишу и вѣчно буду
„Писать все прозой безъ еровъ;
„Невиненъ я. На эту груду
„Смотри: здѣсь тысячи листовъ,

---

[1]) Полустишіе, взятое изъ прекраснаго сочиненія г. Мерзлякова: *Тѣнь Кукова*, котораго никто не понимаетъ.

[2]) Г. Мерзляковъ продолжилъ, какъ видно, *Душеньку*. Амуръ въ стихахъ его на сорока страницахъ плачетъ.

„Священныхъ пылію покрытыхъ,
„Печатью мелкою убитыхъ,
„И нѣтъ ера ни одного.
„Да я“... „Скорѣй купать его!“

Но тутъ явились лица новы
Изъ бѣлокаменной Москвы.
Какія странныя обновы!
„Отъ самыхъ ногъ до головы
Обшиты платья ихъ листами,
Гдѣ прозой дѣтской и стихами.
Иной—кладбище, мавзолей,
Другой—журналъ души своей,
Другой—Меланію, Зюльмису,
Глафиру, Хлою, Миликтрису,
Луну, веспера, голубковъ,
Барановъ, кошекъ и котовъ [1])
Воспѣлъ въ стихахъ своихъ унылыхъ
На всякій ладъ для женщинъ милыхъ...
О, вѣкъ желѣзный!... А онѣ
Не только въ явѣ, но во снѣ
Поэтовъ не видали бѣдныхъ.
Изъ этихъ лицъ уныло-блѣдныхъ
Одинъ, причесанный въ тупей,
Поэтъ присяжный, князь вралей,
На судъ явилъ творенья новы.

„Кто ты?“ „Увы, я пастушокъ,
„Вздыхатель, завсегда готовый;
„Вотъ мой баранъ и посошокъ,
„Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ,
„Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
„Которыми дышалъ и жилъ,

[1]) Это все, даже и кошки, воспѣты въ Москвѣ. Ссылаюсь на журналы.

„Которымъ я насильно милъ;
„Вотъ мой Амуръ, моя Аглая"... [1])
Сказалъ и, тягостно зѣвая,
Съ просонья въ Лету поскользнулъ.
„Уфъ, я усталъ! Подайте стулъ!
„Позвольте мнѣ, я очень славенъ,
„Безсмертенъ я—пока забавенъ!"
„Кто жъ ты?" „Я русскій и поэтъ!" [2])
„Бѣгомъ бѣгу, лечу за славой,
„Разсудокъ не имѣю здравой,
„Да русское люблю душой;
„Для Русскихъ правъ мой толкъ кривой".
„Кто жъ ты?" „Жанъ-Жакъ я русскій,
„Расинъ и Юнгъ, и Локкъ я русскій;
„Три драмы русскихъ сочинилъ
„Для русскихъ. Нѣтъ ужъ больше силъ
„Писать для Русскихъ драмы слезны;
„Труды мои всѣ безполезны!
„Причина—порча нравовъ въ томъ".
Сказалъ—и бухъ въ рѣку потомъ.

Тутъ Сафо рускія печальны,
Какъ бабки наши повивальны,
Несли расплаканныхъ дѣтей.
Одна—прости Богъ эту даму!—
Несла уродливую драму,
Позоръ для ада и мужей,
У коихъ сочиняютъ жены.
„Вотъ мой Густавъ, герой влюбленный!"
„Ага!" судья—пѣвицѣ сей,
„Названья этого довольно!
„Сударыня, мнѣ очень больно,
„Что вы, забывъ послѣдній стыдъ,

---

[1]) *Аглая*—вовсе не грація, а журналъ князя Шаликова.
[2]) Нѣкто въ Москвѣ, а не въ Пекинѣ, издаетъ журналъ для *Русскихъ*.

„Убили драмою Густава.
„Въ рѣку, въ рѣку!“... О, жалкій видъ!
О, тщетная поэтовъ слава!
Исчезла Сафо! Нѣтъ ея!...
Потомъ, за нею обѣ дамы,
На дамъ живыя эпиграммы,
Хватившись за покровъ ея,
Совсѣмъ имъ не въ приличномъ видѣ
(Скажу пѣвицамъ не къ обидѣ),
Нырнули въ глубь туманныхъ водъ.
„Кто ты?“ „Я—виноносный геній!
„Поэмы три да сотню одъ,
„Гдѣ всюду ночь, гдѣ всюду тѣни,
„Гдѣ роща ржуща ружій ржотъ [1]),
„Писалъ съ заказу Глазунова
„Всегда на срокъ... Что вижу я?
„Здѣсь рѣетъ между водъ ладья,
„А тамъ въ разрывахъ черна крова
„Уранія, душа сихъ сферъ,
„И всѣ титаны ледовиты,
„Прозрачной мантіей покрыты,
„Слезятъ... Изсякнулъ изувѣръ
„Отъ взора пламенной эгиды!“
Одинъ отецъ Телемахиды
Слова сіи умѣлъ понять.
На томъ брегу рѣки забвенья
Стояли тѣни въ изумленьи
Отъ рѣчи сей. „Изволь купать
Себя и всѣхъ своихъ уродовъ“,
Сказалъ, не слушая доводовъ,
Угрюмый адскій судія.
„Да всѣхъ поглотитъ васъ струя!“

---

[1]) Стихъ изъ сочиненій г. Боброва.

Но вдругъ на адскій берегъ дикій
Призракъ чудесный и великій
Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ
Тихонько тянется къ рѣкѣ.
На мѣсто клячей запряженны
Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
И тянутъ кое-какъ гужомъ.
За нимъ, какъ въ осень трутни праздны
Крылатымъ въ воздухѣ полкомъ,
Летятъ толпою тѣни разны
И тамъ, и сямъ. По слову: стой!
Кивнула блѣдна тѣнь главой
И вышла съ кашлемъ изъ повозки.
„Кто ты?“ спросилъ ее Миносъ,
„И кто сіи?“ На сей вопросъ:
„Мы—академіи поэты росски“,
Сказала тѣнь. „Но кто сіи
„Несчастны, въ клячей превращенны?“
„Сочлены юные мои,
Любовью къ славѣ воспаленны.
„Они Пожарскаго поютъ
„И топятъ старца Гермогена,
„Ихъ мысль на небеса вперена,
„Слова-жъ изъ Библіи берутъ.
„Стихи ихъ хоть немножко жестки,
„Но истинно варяго-росски“.
„Да кто-жъ ты самъ?“ „Я также членъ,
„Кургановымъ писать ученъ,
„Извѣстенъ сталъ не пустяками,
„Терпѣньемъ, потомъ и трудами.
„Я есмь зѣло славянофилъ“.
Сказалъ и книгу растворилъ.
При словѣ семъ въ блаженной сѣни
Поэтовъ приподнялись тѣни.
Пѣвецъ Любовныя Ѣзды

Оскаблилъ взоръ усмѣшкой блудной [1])
И рекъ: „Въ мужѣхъ умомъ не скудной,
„Обрѣтшій рѣдки красоты
„И смыслъ въ моей деидаміи,
„Се ты, се ты!“... „Слова пустыя!“
Угрюмый судія сказалъ
И въ рѣку путь имъ показалъ.
Къ рѣкѣ всѣ двинулись толпою,
Ныряли всячески въ водахъ;
Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
Тотъ цѣлу книжищу съ собою.
Одинъ, одинъ славянофилъ,
И то повыбившись изъ силъ,
За всѣхъ трудовъ своихъ громаду,
За твердый умъ и за дѣла
Вкусилъ безсмертія награду.

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Неряхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафорѣ издранномъ,
Въ пуху, съ нечесанной главой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
„Меня врасплохъ“, она сказала,
„Въ обѣдъ нарочно смерть застала,
„Но съ вами я опять готовъ
„Еще хоть сызнова отвѣдать
„Вина и адскихъ пироговъ:
„Теперь же часъ, друзья, обѣдать.
„Я вамъ знакомый, я Крыловъ“ [2]).
„Крыловъ, Крыловъ!“ въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо глухо повторяло

---

[1]) Блудная усмѣшка истолкована въ *Ѣздѣ на островъ любви*.
[2]) Крыловъ познакомился съ духами черезъ *Почту духовъ*.

Подъ сводомъ адскимъ; „Здѣсь Крыловъ!“
„Садись сюда, пріятель милый!
„Здоровъ ли ты? „И такъ, и сякъ“.
„Ну, что жъ ты дѣлалъ?“ „Все пустякъ:
„Тянулъ тихонько вѣкъ унылый,
„Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ.
„Ну, вотъ, Миносъ, мои творенья;
„Съ собой я очень мало взялъ:
„Комедіи, стихотворенья,
„Да басни всѣ“. „Купай, купай!“
О, чудо!... Всплыли всѣ! И вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.
Еще продлилось сновидѣнье,
Но ваше длится-ли терпѣнье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно:
Другого и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

1810.

X. На переводъ Генріады или превращеніе Вольтера.

„Что это! говорилъ Плутонъ,
„Остановился Флегетонъ,
Мегера, фуріи и Церберъ онѣмѣли,
„Внимая пѣнью твоему,
„Пѣвецъ безсмертный Габріели?
„Умолкни!... Но сему
„Безбожнику въ награду
„Поищемъ страшныхъ мукъ, ужасныхъ даже аду,
„Содѣлаемъ его
„Гнуснѣе самого
„Сифиза злова!“
„Сказалъ и превратилъ—о, ужасъ!—въ Ослякова.

XI.

Извѣстный откупщикъ Ѳадѣй
Построилъ Богу храмъ... и совѣсть успокоилъ.
И впрямъ! На все цѣны удвоилъ:
Далъ Богу мѣдный грошъ, а сотни взялъ рублей
Съ людей.

XII.

Теперь, сего же дня,
Прощай, мой экипажъ и рыжихъ четверня,
Лизета, ужины... Я съ вами распрощался
На вѣкъ для мудрости святой!
„Что сдѣлалось съ тобой?“
Бездѣлка... Проигрался!

XIII. Истинный патріотъ.

„О, хлѣбъ-соль русская, о, прадѣдъ Филаретъ,
„О, милые остатки,
„Упрямство дѣвушки и ферези прабабки!
„Безъ васъ спасенья нѣтъ,
„А вы, а вы забыты нами!“
Вчера горланилъ Фирсъ съ гостями
И, сидя у меня за лакомымъ столомъ,
Въ восторгѣ пламенномъ, какъ истый витязь русскій,
Съѣлъ соусъ, съѣлъ другой, а тамъ сальмисъ французскій,
А тамъ шампанскаго хлебнулъ съ бутылку онъ,
А тамъ... подвинулъ стулъ и сѣлъ играть въ бостонъ.

XIV. Совѣтъ эпическому стихотворцу.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій
Ея не называй.

XV. На поэмы Петру Великому.

Какъ страненъ здѣсь судебъ уставъ!
Пѣвцы Петровыхъ дѣлъ—несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ,
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы!

1812.

XVI.

Всегдашній гость, мучитель мой,
О, Балдусъ, долго-ль мнѣ зѣвать, дремать съ тобой?
Будь крошечку умнѣй, или дай жить въ покоѣ!
Когда жестокій рокъ сведетъ тебя со мной,
Я не одинъ и насъ не двое.

XVII. Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ.

Эпико-лиро-комико-эпородическій гимнъ.

ПѢВЕЦЪ,

Друзья, всѣ гости по домамъ:
Отъ чтенья охмелѣли!
Конецъ и прозѣ, и стихамъ —
До будущей недѣли!
Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить
Вино изъ полной чаши.
Давайте въ запуски хвалить
Славянски оды наши!

СОТРУДНИКИ.

Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже покойныхъ нѣтъ
Пѣвцовъ среди Бесѣды!

Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
Иль съѣдены мышами,
Иль продаютъ на рынкѣ въ нихъ
Салакушку съ сельдями.
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Мы всѣ для славы дышемъ
Равно здѣсь въ прозѣ и въ стихахъ,
Какъ Тредьяковскій, пишемъ.

СОТРУДНИКИ.

Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Чья тѣнь подъ самымъ потолкомъ
Предъ нашими глазами?
За нимъ, предъ нимъ—о, страхъ!—полкомъ
Поэты со стихами!
Се Тредьяковскій въ парикѣ
Намасленномъ съ кудрями,
Съ Телемахидою въ рукѣ,
Съ Ролленемъ за плечами.
Почто на насъ, о, мужъ сѣдой,
Вперилъ ты страшны очи?
Мы всѣ клялись, клялись тобой
Съ утра до полуночи
Писать, какъ ты, тебѣ служить.
Мы всѣ съ разсудкомъ въ ссорѣ,
Для славы будемъ жить и пить,
Намъ по колѣни море!

СОТРУДНИКИ.

Писать, какъ ты, тебѣ служить, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Напьемся пьяны музамъ въ дань,
Какъ пили наши дѣды!

Разсудокъ къ чорту, вкусу брань,
Хвала сынамъ Бесѣды!
Пусть Ломоносовъ былъ уменъ,
А мы еще умнѣе;
За пьянство сталъ умнѣе онъ,
А мы еще пьянѣе.
Для славы будемъ жить и пить,
Врагамъ бѣда и горе.
На что разсудокъ намъ щадить?
Намъ по колѣни море!

СОТРУДНИКИ.

Для славы будемъ жить и пить, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова.
Родного крова милый свѣтъ,
Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
Невинны мадригалы,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О, лавка дорогая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

СОТРУДНИКИ.

Что вашу прелесть замѣнитъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Тамъ все знакомо для пѣвцовъ,
Тамъ наши дѣтки милы,
Кладбище милое стиховъ,
Бумажныя могилы,

Тамъ царство тлѣнья и мышей,
Тамъ Николаевъ почтенный,
И древній прахъ календарей,
И прахъ газетъ священный!

СОТРУДНИКИ.

Тамъ царство тлѣнья и мышей, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
Цвѣти его держава!
Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава,
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли глупость съ кровью.
Сумбуръ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый писарь-Славянинъ
Галиматьею дышетъ;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
Кто галлицизмы пишетъ!

СОТРУДНИКИ.

Нашъ каждый писарь-Славянинъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Тотъ нашъ, кто день и ночь кадитъ
И намъ молебны служитъ!
Пусть публика его бранитъ,
Но онъ о томъ не тужитъ,
За насъ всегда стоитъ горой,
Въ Бесѣдѣ не зѣваетъ...
Прямой сотрудникъ, братъ прямой
И въ брани помогаетъ!

СОТРУДНИКИ.

За насъ всегда стоятъ горой, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала тебѣ, славянофилъ,
О, мужъ неукротимой!
Ты здѣсь разсудокъ побѣдилъ
Рукой неумолимой.
О, сколь съ наморщеннымъ челомъ
Въ Бесѣдѣ онъ прекрасенъ,
Сколь холоденъ передъ столомъ
И критикомъ ужасенъ!
Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ...
Хвала сѣдому дѣду!
Друзья, онъ, онъ родилъ на свѣтъ
Славянскую Бесѣду!

СОТРУДНИКИ.

Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала тебѣ, о, дѣдъ сѣдой,
Хвала и многи лѣта!
Ошую пусть сидитъ съ тобой
Осьмое чудо свѣта,
Твой сынъ, наперсникъ и клевретъ,
Шихматовъ безглагольный,
Какъ ты, Славянъ краса и цвѣтъ,
Какъ ты, собой довольный!

СОТРУДНИКИ.

Твой сынъ, наперсникъ и клевретъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала тебѣ, о, Шаховской,
Холодныхъ шубъ кроитель,

Отецъ талантовъ, мужъ прямой,
Ежовой покровитель!
Телецъ, упитанный у насъ,
О, ты, болванъ болвановъ,
Хвала тебѣ, хвала сто разъ,
Раздутый Карабановъ!

СОТРУДНИКИ.

Телецъ, упитанный у насъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый.
Стихи твои какъ барабанъ
Для слуха нестершимы!
Вездѣ съ стихами, тутъ и тамъ,
Вездѣ ты волкомъ рыщешь,
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь.
Лишь за поэму—прочь идутъ;
За оду—засыпаютъ,
Ты за посланье—всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ.

СОТРУДНИКИ.

Лишь за поэму—прочь идутъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала, псаломщикъ нашъ, старикъ,
Захаровъ-преложитель,
Ревешь ты, какъ на волка быкъ,
Луговъ пустынныхъ житель!
Хвала тебѣ, протяжный Львовъ,
Ковачъ рѣченій смѣлый,
И Палицынъ, гроза чтецовъ,
Въ Поповкѣ посѣдѣлый!

Хвала, нашъ пасмурный Гервей,
Обруганный Станевичъ,
И съ польской лирою своей,
Халуй Анастасевичъ!

СОТРУДНИКИ.

Хвала, нашъ пасмурный герой, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, сей ковшъ пивной большой
За здравье Соколова!
Онъ право чтецъ у насъ лихой
И созданъ для Хвостова.
Въ твоихъ устахъ стихи ревутъ,
Какъ волны пѣной плещутъ;
Отъ грома ихъ невольно тутъ
Всѣ барыни трепещутъ.
Хвала, Бесѣды сей дьячекъ,
Безумный Политковскій!
Жуешь, гнусишь и вдругъ стишокъ
Родишь славянороссκій.

СОТРУДНИКИ.

Хвала, Бесѣды сей дьячекъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

. . . . . .
. . . . . .
Ихъ груди каменной хвала,
Хвала скуламъ желѣзнымъ!
Но месть тому, кто насъ бранитъ
И точитъ эпиграммы;
Кто пишетъ такъ, какъ говоритъ,
Кого читаютъ дамы!

СОТРУДНИКИ.

Но месть тому, кто насъ бранитъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ мщенью! Други, въ строй,
И мигомъ перья въ длани!
Сразить иль пасть—нашъ роковой
Обѣтъ въ чернильной брани.
Вотще свои, о, Карамзинъ,
Ты издалъ сочиненья:
Я, я на Пиндѣ властелинъ
И жажду лишь отмщенья!

СОТРУДНИКИ.

Воотще свои, о, Карамзинъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Нѣтъ логики у насъ въ домахъ,
Грамматикъ не бывало;
Мы прологъ въ руки—гибни, врагъ,
Съ твоей дружиной вялой!
Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй—
Разсудокъ или мщенье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
За глупыхъ Провидѣнье!

СОТРУДНИКИ.

Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Друзья, прощанью сей стаканъ!
Ужъ свѣчи погасили,
Пробили зорю въ барабанъ,
Къ заутренѣ звонили,
Пора домой, пора ко сну,
Отъ хмеля я шатаюсь...

ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.

Дай, басню я прочту одну
И послѣ распрощаюсь.

ВСѢ.

Ахъ, нѣтъ, друзья, домой, домой!
Чу, пѣтухи пропѣли!
Прощай, Шишковъ, нашъ дѣдъ сѣдой,
Прощай, мы охмелѣли,
Но ты насъ въ путь благослови!
А вы, друзья, лобзанья
Въ завѣтъ и новыя любви,
И новаго свиданья!

1815.

XVIII.

Памфилъ забвенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку;
Веселостью обязанъ онъ желудку,
А памяти—умомъ.

Объяснительныя статьи.

Характеристика Батюшкова какъ поэта.

Л. Н. Майкова.

Слишкомъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1817 г., вышли въ свѣтъ двѣ небольшія книжки подъ заглавіемъ: „Опыты въ стихахъ и прозѣ К. Батюшкова". Авторъ этихъ книжекъ былъ въ то время лицомъ не безызвѣстнымъ въ литературѣ: ему исполнилось уже тридцать лѣтъ, и болѣе двѣнадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ

печати первое его стихотвореніе. Но только изданіе его произведеній въ видѣ особаго сборника, притомъ обогащеннаго нѣсколькими вновь написанными стихотвореніями, давало возможность судить о силѣ и зрѣлости его поэтическаго дарованія.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ русская литература еще не обладала тѣми сокровищами поэзіи, на которыхъ воспиталось художественное и нравственное чувство позднѣйшихъ поколѣній нашего общества. Свободное творчество самыхъ сильныхъ дарованій еще изнемогало въ борьбѣ съ требованіями школьной теоріи и съ необработанностью литературной рѣчи: необходимость стилистической реформы, совершенной Карамзинымъ, признавалась еще далеко не всѣми. Едва минулъ годъ, что сошелъ въ могилу старикъ Державинъ—великая творческая сила, впервые воплотившая въ себѣ образъ русскаго поэта, но сила, еще лишенная художественнаго чувства мѣры и той способности къ тонкой отдѣлкѣ, безъ которой не можетъ быть совершенно созданіе искусства. Сильный талантъ Озерова угасъ преждевременно, послѣ немногихъ опытовъ въ общепринятой тогда формѣ драматическихъ произведеній. Молодое дарованіе Жуковскаго искало новыхъ путей для творчества въ иностранныхъ литературахъ; но Жуковскій былъ болѣе поэтъ въ душѣ, чѣмъ мастеръ поэтической формы: она занимала его меньше, чѣмъ внутреннее содержаніе произведенія. Пушкина еще не было; нѣсколько юношескихъ произведеній его, разсѣянныхъ по журналамъ, большею частью подражаній чужимъ образцамъ, еще не давали намека на то, что въ русской литературѣ народился настоящій геніальный поэтъ.

Въ это-то время смутныхъ колебаній литературнаго вкуса, когда онъ утратилъ вѣру въ уставы псевдоклассической теоріи, но еще не нашелъ себѣ новыхъ руководящихъ началъ, въ это-то время появились „Опыты“ Батюшкова. Сборникъ былъ встрѣченъ почетнымъ вниманіемъ; но существенныя достоинства поэта были оцѣнены далеко не въ полной мѣрѣ.

Одинъ лишь критическій отзывъ вѣрно намѣтилъ свойства таланта Батюшкова: отзывъ этотъ принадлежалъ одному изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, человѣку, пониманіе котораго въ области искусства далеко возвышалось надъ мнѣніями большинства современниковъ. Привѣтствуя появленіе „Опытовъ“, Уваровъ высказалъ убѣжденіе, что въ лицѣ Батюшкова русская литература обладаетъ сильнымъ и самобытнымъ талантомъ; сравнивая Батюшкова съ Жуковскимъ, онъ не усомнился поставить ихъ рядомъ: не второй, а другой, non secundus sed alter, выразился онъ о Батюшковѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на полное различіе въ дарованіяхъ обоихъ поэтовъ. Однако, сказать больше не могъ и этотъ тонкій цѣнитель. Дѣло въ томъ, что полная и вѣрная оцѣнка Батюшкова возможна лишь въ исторической связи литературныхъ явленій: онъ объясняется не столько изъ прошлаго, не столько даже изъ своего времени, сколько по сравненію съ дальнѣйшимъ развитіемъ русской поэзіи. Эта особенность затрудняетъ дѣло оцѣнки, но въ то же время свидѣтельствуетъ, что Батюшковъ—одно изъ самыхъ крупныхъ дарованій между русскими поэтами, и что лишь преждевременная гибель помѣшала ему совершить еще многое, на что онъ былъ способенъ.

Постараюсь раскрыть внутреннее развитіе таланта Батюшкова и затѣмъ указать, какое значеніе этотъ писатель имѣетъ въ общемъ ходѣ русской поэзіи.

Батюшковъ воспитался подъ образовательнымъ вліяніемъ XVIII вѣка. Въ ранней юности онъ имѣлъ счастіе найти просвѣщеннаго руководителя въ одномъ изъ лучшихъ людей своего времени, М. Н. Муравьевѣ. Муравьевъ усвоилъ себѣ изъ умственнаго движенія XVIII столѣтія все лучшее—гуманность понятій, уваженіе къ человѣческой личности и пламенную любовь къ просвѣщенію, и все это передалъ своему даровитому питомцу. Знатокъ классической древности, страстный любитель литературы и искусства, онъ позаботился сообщить Константину Николаевичу начатки классическаго обра-

зованія, развилъ его вкусъ и внушилъ ему склонность къ занятіямъ словесностью.

Въ семьѣ Муравьева, въ тѣсной дружбѣ съ Гнѣдичемъ и вообще среди людей, которымъ были близки интересы просвѣщенія и доступно чувство изящнаго, Батюшковъ провелъ первые годы юности какъ беззаботный и счастливый мечтатель. Свѣтлому настроенію, усвоенному имъ въ мирной домашней обстановкѣ и въ избранномъ свѣтскомъ кругу, соотвѣтствовало и то эпикурейское воззрѣніе на жизнь, которое онъ находилъ въ изучаемыхъ имъ римскихъ поэтахъ, и то сенсуалистическое ученіе, которое проповѣдывала большая часть знакомыхъ ему писателей новаго времени. Подъ такими впечатлѣніями возникли первые поэтическіе опыты Батюшкова; уже въ нихъ онъ обнаруживаетъ стремленіе сойти съ торной дороги стараго піитическаго искусства; онъ настойчиво уклоняется отъ напыщенности, обычной у тогдашнихъ стихотворцевъ, и ищетъ матеріала для своихъ произведеній единственно въ своемъ внутреннемъ настроеніи; интимная лирика, то, что въ старину называлось легкою поэзіей, сразу становится исключительною областью его творчества.

Однако, вслѣдъ за радостями жизни, юношѣ пришлось извѣдать и ея мрачную сторону. Въ 1807 году, въ порывѣ патріотическаго воодушевленія при второй нашей войнѣ съ Наполеономъ, онъ вступилъ въ военную службу и—былъ тяжело раненъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ; вслѣдъ затѣмъ онъ страстно полюбилъ одну дѣвушку, и она отвѣчала ему полною взаимностью, но—обстоятельства развели ихъ врознь, и чувство молодого человѣка осталось неудовлетвореннымъ. Въ то же время умеръ Муравьевъ, и—двадцатилѣтній Батюшковъ остался безъ своего заботливаго руководителя. Эти первыя горести и первыя испытанія судьбы еще не заставили избалованнаго юношу отказаться отъ прежнихъ мечтаній о легкодостижимомъ счастіи, о жизни, посвященной одному наслажденію, но уже внесли въ его душу начало разлада, который съ тѣхъ поръ сталъ

постепенно развиваться. Всегда чего-то ищущій и ни въ чемъ не находящій полнаго удовлетворенія, легко доступный увлеченіямъ, но быстро ихъ мѣняющій, болѣзненно чуткій ко всему, что затрогивало его самолюбіе, и въ то же время скорый и рѣшительный въ сужденіяхъ о другихъ людяхъ, Батюшковъ не хотѣлъ да и не умѣлъ примириться съ прозой жизни и приспособиться къ простымъ условіямъ ея обыденнаго теченія. Съ 1807 года по 1809 онъ участвовалъ въ двухъ войнахъ, но едва кончилась вторая изъ нихъ, шведская, какъ онъ задумалъ выйти въ отставку: ему не нравились условія военнаго быта въ мирное время. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ деревню на отдыхъ, но скоро соскучился въ сельскомъ одиночествѣ. Общество, и притомъ такое, гдѣ бы его любили и цѣнили, было для него потребностію.

Въ 1810 и 1811 годахъ, въ Москвѣ, онъ сблизился съ Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, Карамзинымъ, В. Л. Пушкинымъ и И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ, и время, проведенное въ ихъ средѣ, было свѣтлымъ періодомъ его жизни. Здѣсь окрѣпли его литературныя мнѣнія и установился взглядъ его на отношенія тогдашнихъ литературныхъ партій къ основнымъ задачамъ и потребностямъ русскаго просвѣщенія; здѣсь и дарованіе Батюшкова встрѣтило сочувственную оцѣнку. Но и среди этихъ любезныхъ ему людей, нашего поэта попрежнему преслѣдовала мысль, что жизнь его складывается не такъ, какъ бы онъ желалъ. На встрѣчу этому внутреннему недовольству его шли съ Запада новыя литературныя вѣянія. Созданный Шатобріаномъ типъ человѣка, разочароваинаго жизнью, овладѣвалъ тогда умами молодого поколѣнія. Мы, въ наше время, строго судимъ эгоиста Рене, который бѣжитъ отъ людей и отказывается отъ всякой дѣятельности среди нихъ, потому что считаетъ себя всѣхъ выше и лучше; въ безумномъ самопоклоненіи этого себялюбца мы склонны признать лишь безсиліе воли, ничтожество характера, неспособнаго бороться противъ враждебныхъ ему житейскихъ обстоятельствъ. Но въ типѣ разочароваинаго человѣка, даже

въ той разновидности этого типа, какая изображена Шатобріаномъ, есть и другая сторона: въ разочарованіи Рене слышится протестъ противъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, которыя общественный бытъ старой Европы налагалъ на свободное развитіе человѣческой личности, и въ то же время въ изображеніи этого разочарованія чувствуется осужденіе того строя понятій, выработанныхъ XVIII вѣкомъ, который въ концѣ концовъ привелъ не къ освобожденію только, но уже къ полному разнузданію личности. Батюшковъ, быть-можетъ, одинъ изъ первыхъ русскихъ людей вкусилъ отъ горечи разочарованія. Не будемъ разбирать, существовали ли законныя причины для такого настроенія въ нѣсколько грубомъ, но простомъ бытѣ тогдашняго русскаго общества; но несомнѣнно, мягкая, избалованная, самолюбивая натура нашего поэта, человѣка, жившаго исключительно отвлеченными интересами, представляла собою очень воспріимчивую почву для разъѣдающаго вліянія разочарованности. И съ той поры, какъ Батюшковъ поддался этому вліянію, всѣ обстоятельства его собственной жизни стали представляться ему въ безотрадномъ свѣтѣ: нерѣдко, какъ Рене, преувеличивалъ онъ свои несчастія, слишкомъ близко принималъ къ сердцу разныя мелкія неудачи, жаловался на измѣнившую ему любовь и даже на обманчивость дружбы. По большей части, онъ былъ несправедливъ въ своихъ жалобахъ; но, охваченный одною идеей, однимъ настроеніемъ, онъ уже не могъ думать и чувствовать иначе и находилъ горькое самоуслажденіе въ томъ, чтобы безпрестанно тревожить свои сердечныя раны. За то этою живою впечатлительностью и нѣжною, почти болѣзненною чувствительностью воспиталось высокое дарованіе лирика, и онъ нашелъ въ себѣ силу выражать самыя глубокія движенія души.

Гроза 1812 года застала Батюшкова въ Петербургѣ. Онъ скоро понялъ рѣшительное значеніе великой начинавшейся борьбы и со всею страстностью своей природы отдался па-

тріотическому одушевленію. Гибель Москвы подѣйствовала на него потрясающимъ образомъ...

Поэтъ рѣшился снова стать въ ряды защитниковъ отечества. Въ этомъ рѣшеніи онъ нашелъ новую цѣль своему существованію, и воодушевленіе его было тѣмъ горячѣе и упорнѣе, что исполнить свое намѣреніе онъ могъ только въ 1813 году, послѣ того, какъ страшный врагъ уже оставилъ предѣлы Россіи. Высокій подъемъ духа не покидалъ Батюшкова въ теченіе всего заграничнаго похода. Торжество надъ Наполеономъ давало Россіи новое міровое значеніе и предвѣщало ея гражданственности новые успѣхи, достойные ея военныхъ побѣдъ. Мысль о томъ занимала Батюшкова и въ Парижѣ, когда онъ любовался собранными тамъ сокровищами искусства, и позже, когда онъ возвратился въ отечество.

Но едва поэтъ вступилъ на родную землю, какъ прежнее недовольство, прежнія сомнѣнія стали опять тревожить его. Патріотическій порывъ остылъ, и жизнь опять стала казаться ему скучнымъ и безполезнымъ бременемъ. Еще передъ походомъ въ сердце его заронилась искра любви къ одной прекрасной молодой особѣ, жившей въ семьѣ Олениныхъ. Ея образъ сопровождалъ поэта въ теченіе всего періода славной борьбы на поляхъ Германіи и Франціи, и съ новою силой проснулось его чувство при встрѣчѣ съ любимою дѣвушкою въ Петербургѣ. Въ ея сочувствіи, въ тихихъ радостяхъ семейнаго счастія усталая душа поэта, быть-можетъ, нашла бы успокоеніе отъ прежнихъ тревогъ его существованія. Но судьба рѣшила иначе: Батюшковъ не встрѣтилъ взаимности тамъ, гдѣ ея искалъ, и—съ благородною гордостью поспѣшилъ отступиться отъ всякихъ исканій; съ болью въ сердцѣ рѣшилъ онъ покинуть Петербургъ и все, что было ему здѣсь мило. Въ горькія минуты своего отчаянія поэтъ могъ находить утѣшеніе въ теплой вѣрѣ въ Провидѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что послѣднія мечты его о счастіи разбиты въ прахъ и что сердце его умерло для новыхъ радостей.

Съ этой поры разочарованіе жизнью окончательно овладѣваетъ его душой. Но талантъ его въ эти тяжелыя минуты воспрянулъ съ небывалою силой: этому моменту въ жизни Батюшкова мы обязаны лучшими его созданіями—превосходными элегіями 1815 года, переложеніемъ „Пѣсни Гаральда Смѣлаго“ и „Умирающимъ Тассомъ“. Батюшкова „Тассъ“ у всѣхъ въ памяти; тѣмъ не менѣе, я долженъ остановиться на немъ, чтобъ указать на тѣсную связь, существующую между этою великолѣпною пьесой и душевнымъ міромъ поэта, ее создавшаго.

Батюшковъ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ питалъ глубокое, почти благоговѣйное чувство и къ поэзіи Тасса, и къ личности самого поэта. Авторъ „Освобожденнаго Іерусалима“ представлялся ему великимъ художникомъ, который умѣлъ сочетать въ своемъ творчествѣ классическое пониманіе красоты съ міросозерцаніемъ пламенно вѣрующаго христіанина. Съ другой стороны, романическія подробности Тассовой жизни, его мечтательная любовь въ Элеонорѣ д'Эсте, претерпѣнныя имъ гоненія, помѣшательство, бывшее слѣдствіемъ его несчастій, наконецъ—приготовленное ему вѣнчаніе въ Капитоліи и смерть, постигшая его почти наканунѣ этого торжества, всѣ эти необыкновенныя обстоятельства дѣлали Тасса въ глазахъ Батюшкова однимъ изъ тѣхъ великихъ своими дарованіями несчастливцевъ, которые погибаютъ прежде времени въ борьбѣ съ несправедливостью безпощадной судьбы. Въ своей собственной жизни Батюшковъ находилъ аналогіи съ горестною участью итальянскаго поэта: и онъ, подобно Тассу, рано лишился матери, и онъ имѣлъ столкновенія съ литературными непріятелями и потерпѣлъ оскорбленія на служебномъ поприщѣ, наконецъ—и онъ не нашелъ живительнаго сочувствія къ своей любви въ самую трудную пору своей жизни; какъ несчастія, испытанныя Тассомъ, довели его до состоянія мрачной меланхоліи, граничившей почти съ помраченіемъ разсудка, такъ и у Батюшкова не разъ бывали тягостные періоды хандры, которая — казалось ему—должна

разрѣшиться потерею самосознанія; воспоминаніе объ участи его матери, скончавшейся въ состояніи умопомѣшательства, быть-можетъ, подсказывало ему предчувствіе печальнаго конца. И вотъ, въ ту пору жизни, когда поэтъ окончательно постигъ тщету своей юношеской мечты о счастіи, когда жизненный опытъ научилъ его не вѣрить той философіи наслажденія, что соблазняла его въ молодые годы, ему сталъ ясенъ весь трагизмъ жизни Тасса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь трагизмъ его собственнаго жестокаго разочарованія. Тогда-то и созданъ былъ „Умирающій Тассъ“, и представленный въ этой элегіи поэтическій образъ пѣвца Іерусалима, безвременно погибающаго съ надеждой найти успокоеніе лишь въ иномъ лучшемъ мірѣ,—явился какъ бы воплощеніемъ души самого нашего поэта, въ цвѣтѣ лѣтъ изнемогшаго въ жизненной борьбѣ и обращающаго къ Провидѣнію свои послѣднія упованія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ самаго рожденія Батюшковъ носилъ въ себѣ зародыши грознаго наслѣдственнаго недуга; этимъ, быть-можетъ, объясняется и та податливость, съ которою онъ воспринялъ въ себя распространенныя въ его время вѣянія разочарованности. Послѣ того, какъ любовь его осталась безъ отвѣта, душевное состояніе его становится все тревожнѣе и мрачнѣе: онъ какъ будто нигдѣ не находитъ себѣ мѣста; недовольный военною службою въ провинціальной глуши, онъ покидаетъ ее, ѣдетъ въ Москву, совсѣмъ переселяется въ Петербургъ, предпринимаетъ поѣздку на югъ Россіи и здѣсь, въ Одессѣ, получаетъ извѣстіе о назначеніи его на дипломатическую службу въ Неаполь. Это назначеніе выхлопотали ему друзья, уже встревоженные дурными симптомами его душевнаго настроенія. Казалось бы, эта удача могла отчасти одобрить упавшій духъ поэта. Но на самомъ дѣлѣ вышло иначе: на дружеское извѣщеніе о своемъ назначеніи поэтъ могъ отвѣчать только новыми выраженіями своего разочарованія: „Я знаю Италію, не побывъ въ ней. Тамъ не найду счастья, его нѣтъ нигдѣ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ, мнѣ драгоцѣнныхъ.

Ни зрѣлище чудесной природы, ни чудеса искусствъ не замѣнятъ для меня... тѣхъ, кого привыкъ любить". Дѣйствительно, живя въ Неаполѣ, вдали отъ друзей и отечества, Батюшковъ вскорѣ почувствовалъ скуку и впалъ въ апатію и уныніе; сперва онъ старался бороться противъ нихъ усиленными занятіями; но мало-по-малу мрачное настроеніе стало брать верхъ. Тогда Батюшковъ рѣшилъ бросить и службу, и литературу. А между тѣмъ на горизонтѣ русской поэзіи появилось новое великое дарованіе: въ лицѣ Пушкина новое поколѣніе, возросшее подъ впечатлѣніями рѣшительной борьбы съ Наполеономъ, среди могучаго пробужденія народнаго духа выступило на поприще литературной дѣятельности. Батюшковъ раньше многихъ оцѣнилъ геніальный талантъ Пушкина и внимательно слѣдилъ за его развитіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ чувствовать, что эта могучая творческая сила призвана заслонить собою всѣхъ своихъ предшественниковъ или, покрайней мѣрѣ, увлечь ихъ въ свое теченіе. Самолюбіе нашего поэта едва ли мирилось легко съ такимъ оборотомъ обстоятельствъ.

Батюшковъ возвратился въ отечество въ угнетенномъ состояніи духа, и съ тѣхъ поръ развитіе его психическаго недуга пошло ускореннымъ ходомъ. Послѣдніе стихи, написанные имъ за границей, исполнены горькой, безотрадной скорби.

Еще болѣе горечи слышится въ словахъ нашего поэта, сказанныхъ по возвращеніи въ Россію князю Вяземскому, въ отвѣтъ на вопросъ; не написалъ ли онъ чего-нибудь новаго: „Что писать мнѣ и что говорить о ситхахъ моихъ? Я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился въ дребезги. Поди, узнай теперь, что въ немъ было!"

Лишенный разсудка, Батюшковъ прожилъ еще столько же лѣтъ, сколько провелъ ихъ въ сознательной жизни. Въ печальномъ недугѣ ему суждено было пережить не только всѣхъ почти друзей своихъ и сверстниковъ, но и большую часть

литературныхъ дѣятелей слѣдующаго поколѣнія, которое осталось ему уже невѣдомымъ.

Какой же слѣдъ оставила въ русскомъ искусствѣ непродолжительная творческая дѣятельность Батюшкова?

Геніальный Пушкинъ называлъ его своимъ учителемъ; вліяніе его чувствуется даже на нѣкоторыхъ поэтахъ послѣпушкинскаго періода. Этого довольно, чтобы признать за Батюшковымъ значительную долю участія въ развитіи русской поэзіи. Попытаюсь въ немногихъ словахъ охарактеризовать свойства его дарованія, которыми опредѣляется его вліяніе, а слѣдовательно, и его значеніе въ ходѣ нашей словесности.

Прежде всего, талантъ Батюшкова отличается совершенною искренностью. Какъ для личнаго характера нашего поэта основою служили простодушіе и откровенность, такъ и въ творчествѣ своемъ онъ былъ чуждъ всего надуманнаго, натянутаго, искусственнаго. Содержаніе его произведеній вращается большею частью въ сферѣ личнаго чувства: въ раннихъ пьесахъ паѳосъ его поэзіи составляетъ свѣтлое и мирное наслажденіе радостями жизни, въ позднѣйшихъ—томительное страданіе души, разочарованной въ своихъ мечтахъ о счастіи. Даже тѣ немногія стихотворенія, которыя по своему содержанію выходятъ изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ, какъ посланіе къ Дашкову, „Переходъ черезъ Рейнъ“, „Плѣнный“, даже и они сохраняютъ непосредственное отношеніе къ личному, внутреннему настроенію поэта. Конечно, и до Батюшкова любовь воспѣвалась русскими стихотворцами, но лишь со времени его и Жуковскаго наша поэзія начинаетъ говорить о вѣчныхъ правахъ человѣческаго сердца не безцвѣтными общими выраженіями сентиментальнаго характера; лишь у нихъ въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви, слышенъ прямой голосъ живой души. У Жуковскаго, однако, любовь выражается только какъ стремленіе, какъ душевный порывъ къ неопредѣленному идеалу. Отношеніе къ ней Батюшкова гораздо проще и человѣчнѣе: въ піесахъ ранней поры у него иногда высту-

паетъ оттѣнокъ чувственности; но чѣмъ болѣе зрѣетъ душа поэта и, вмѣстѣ съ нею, талантъ его, тѣмъ чище, возвышеннѣе и благороднѣе становится его чувство, и тѣмъ тоньше и глубже выражается оно въ его поэзіи. Батюшкову было немного болѣе двадцати лѣтъ, когда, подъ вліяніемъ первой сильной страсти, онъ изобразилъ свое нравственное возрожденіе въ граціозной піесѣ, озаглавленной „Выздоровленіе“.

Позже, когда новая любовь овладѣла сердцемъ поэта, уже искушеннаго опытомъ жизни, но не нашла себѣ отзыва въ любимомъ существѣ, голосъ его души звучитъ еще болѣе глубокимъ чувствомъ въ томъ рядѣ высокихъ пѣсенъ, которыя составляютъ вѣнецъ его творчества. Напомню одну изъ нихъ, гдѣ поэтъ выражаетъ сознаніе, что онъ обманулся въ своей любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ безотрадно, убѣжденіе, что съ этою утратой гибнетъ и другое его сокровище, его дарованіе.

Но одною искренностью и задушевностью не исчерпывается дарованіе нашего поэта. Яркая опредѣленность, такъ сказать, осязательность образовъ, создаваемыхъ фантазіей Батюшкова, составляетъ другую отличительную особенность его таланта. Его поэзія совершенно чужда отвлеченности, свойственной многимъ лирикамъ, между прочими, и Жуковскому, и въ то же время въ ней нѣтъ ничего неестественнаго, ничего такого, что не выдержало бы простого разсудочнаго анализа: его поэтическія созданія совершенно реальны, близки къ дѣйствительности не смотря даже на то, что поэтъ, по обычаю своего времени, нерѣдко употребляетъ иносказательные обороты рѣчи, перифразу, или вводитъ миѳологическіе термины, вмѣсто означенія предметовъ ихъ прямыми наименованіями. Всегда вѣрно намѣчая то внутреннія движенія души, то образы внѣшняго міра, то соотношеніе между тѣми и другими, поэтическая живопись Батюшкова отличается широкимъ размахомъ кисти. Припомнимъ нѣсколько чертъ: напримѣръ, начало стихотворенія „Тѣнь друга“, „Я берегъ покидалъ туманный Альбіона“ и т. д. Батюшковъ мастерски

умѣлъ съ перваго же слова овладѣвать вниманіемъ читателя и, набросавъ предъ нимъ широкую поэтическую картину, сразу вводить его въ тотъ міръ, въ ту среду впечатлѣній, интересовъ и образовъ, въ которую увлечена его фантазія и которыми питается, въ данную минуту, его чувство. Этою способностью очаровывать силой и яркостью своихъ творческихъ созданій обладалъ въ русской литературѣ до Батюшкова одинъ Державинъ, а послѣ довелъ это искусство до высшаго совершенства Пушкинъ; тайна этого очарованія заключается въ объективномъ характерѣ ихъ творчества. Въ Батюшковѣ эта высокая художественная способность была настолько сильна, что, несмотря на преобладающіе у него, въ позднѣйшую пору развитія его таланта, мотивы разочарованности, онъ могъ въ то же время проникаться свѣтлымъ міросозерцаніемъ классической древности и написать нѣсколько превосходныхъ піесъ въ духѣ и стилѣ греческой антологіи.

Уже все сказанное обнаруживаетъ въ Батюшковѣ сознательнаго художника, поэта, который всегда остается властнымъ хозяиномъ своей фантазіи и умѣетъ дать вѣрное направленіе ея порывамъ. Но еще болѣе замѣтенъ тонкій художественный расчетъ опытнаго мастера во внѣшней формѣ произведеній нашего поэта.

Коренной принципъ лирики — выражать непосредственное ощущеніе или рядъ подобныхъ ощущеній, но тѣсно связанныхъ между собою; только при этомъ условіи лирическая пьеса можетъ сохранить внутреннее единство или цѣльность. Лирика псевдоклассическаго періода однако очень рѣдко удовлетворяла этому требованію: старинные сочинители одъ и элегій, даже наиболѣе даровитые, обыкновенно топили вдохновлявшее ихъ чувство въ безконечныхъ повтореніяхъ и риторическихъ распространеніяхъ. Батюшковъ, которому знакомы были образцы классической лирики Горація и Тибулла, рѣзко отдѣляется отъ своихъ русскихъ предшественниковъ въ лирической поэзіи художественнымъ чувствомъ мѣры: его пьесы по большей части не велики по объему, а лучшіе изъ

нихъ строго выдержаны въ своемъ составѣ и отличаются замѣчательною цѣльностью. Сосредоточивая свое вдохновеніе на одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, нашъ поэтъ рукою мастера изображаетъ его развитіе и переливы, оттѣняя каждый изъ нихъ новыми чертами и такимъ образомъ все полнѣе и полнѣе раскрывая предъ нами свое душевное настроеніе. Эта искусная постепенность въ изображеніи чувства не имѣетъ ничего общаго со старинными пріемами риторическаго распространенія: она вѣрна психологически и потому производитъ глубокое впечатлѣніе. А что она выработана Батюшковымъ сознательно, это всего яснѣе, быть можетъ, доказывается тѣмъ, что поэтъ рѣдко приберегаетъ къ концу своихъ стихотвореній самый сильный аккордъ своей лиры: напротивъ того, онъ обыкновенно предпочитаетъ заключить пьесу смягченными, пониженными тонами, которые замираютъ постепенно, словно теряются вдали, какъ звуки эоловой арфы, и тѣмъ дольше удерживаютъ душу читателя въ томъ настроеніи, какое желалъ вызвать поэтъ.

Нужно было воспитать въ себѣ тонкое художественное чувство, чтобы задавать подобныя задачи своему творчеству. И разрѣшеніе этихъ задачъ было бы тѣмъ труднѣе для Батюшкова, что онъ сознавалъ всю недостаточность или, вѣрнѣе сказать, всю необработанность того матеріала, которымъ ему приходилось орудовать: я разумѣю русскій литературный языкъ его времени. Дѣйствительно, подъ перомъ тогдашнихъ писателей русскихъ стихъ едва начиналъ пріобрѣтать гладкость, а силы, звучности и гармоніи достигалъ очень рѣдко; русская поэтическая рѣчь еще представляла нестройную смѣсь высокопарныхъ славянизмовъ съ сухими или даже пошлыми выраженіями самой обыденной фразеологіи; ради соблюденія размѣра слова часто располагались въ стихахъ очень произвольно, такъ что смыслъ рѣчи становился запутаннымъ. Батюшковъ сильно возмущался этими недостатками и причину ихъ предполагалъ въ свойствѣ самаго нашего языка. Какъ въ русскомъ, такъ и въ языкахъ германскаго

корня онъ находилъ „суровость“, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее сѣверу. „Я смѣшонъ по совѣсти“, писалъ онъ Гнѣдичу, окончивъ своего „Умирающаго Тасса“:—не похожъ-ли я на слѣпого нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ вздумалъ воспѣвать ему на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка — языкъ нашъ, жесткій языкъ, что ни говори“. Жесткости русскаго языка онъ противополагалъ музыкальность итальянскаго, которымъ восхищался въ стихахъ Данта и Петрарки, Аріоста и Тасса. Такой приговоръ надъ нашимъ богатымъ и прекраснымъ языкомъ, конечно, несправедливъ; но къ сужденію этому должно быть снисходительнымъ: напомню еще разъ, что Батюшковъ имѣлъ въ виду только скудный литературный языкъ своего времени, а не свѣжую, живую и образную рѣчь народную, которую онъ еще не научился цѣнить. Замѣчу кстати, что онъ не былъ исключительнымъ врагомъ и славянизмовъ; онъ вооружался только противъ злоупотребленія ими, но въ то же время признавалъ, что „верхъ искусства — похищать древнія слова и давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ“. Вообще, онъ былъ того убѣжденія, что литературный языкъ создается тонкимъ чутьемъ и изящнымъ вкусомъ писателей, и что созданіе русскаго литературнаго языка еще не закончено, еще нуждается въ образованныхъ дѣлателяхъ. Самъ Батюшковъ не мало потрудился надъ обработкой нашей поэтической рѣчи: въ его стихотвореніяхъ встрѣчается много прекрасныхъ выраженій и оборотовъ, которыхъ нѣтъ у писателей болѣе ранняго времени, но которые были усвоены поэтами позднѣйшими. Что касается собственно версификаціи, то стройность, сжатость и вообще изящество итальянскаго стиха послужили ему образцомъ, по которому онъ старался выработать свой собственный стихъ. И усилія его были не напрасны: въ произведеніяхъ Батюшкова, особенно въ пьесахъ позднѣйшей поры, стихъ его пріобрѣ-

таетъ гармонію, гибкость и упругость, небывалыя дотолѣ въ русской поэзіи.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармоніи въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ сталъ подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать о нихъ — не знаю.

Подъ строками такой мастерской фактуры, гдѣ однообразно-гармоническое теченіе словъ само по себѣ служитъ выраженіемъ грустнаго настроенія души поэта, не отказался бы подписать свое имя ни одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ ни до Батюшкова, ни послѣ него. Не даромъ великій художникъ Пушкинъ назвалъ Батюшкова счастливымъ сподвижникомъ Ломоносова, сдѣлавшимъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для итальянцевъ.

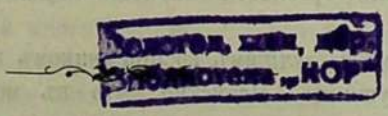
Вообще, съ какой бы стороны мы ни взглянули на творческую дѣятельность Батюшкова, элементъ чистаго искусства выступаетъ въ ней на первомъ планѣ. Онъ былъ художникъ по преимуществу, и потому вліяніе, какое онъ могъ имѣть, должно было отразиться главнымъ образомъ въ области искусства.

Прямымъ и лучшимъ воспріемникомъ этого вліянія былъ именно Пушкинъ. Извѣстно, что въ молодости своей изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ онъ подражалъ всего болѣе Батюшкову; онъ сохранилъ благодарную память и уваженіе къ нему и въ зрѣлыя лѣта. Въ посланіяхъ, элегіяхъ и антологическихъ пьесахъ Батюшкова Пушкинъ нашелъ образцы и художественной формы, и объективности поэтическаго міросозерцанія. То живое сознаніе и творческое возсозданіе душевной

жизни, которое развилось такимъ роскошнымъ цвѣтомъ въ лирикѣ Пушкина и составляетъ ея неувядаемую прелесть, уже находится въ зародышѣ въ поэзіи Батюшкова, столь искренней и глубокой въ выраженіи личнаго чувства. Конечно, у геніальнаго ученика эта поэтическая психологія несравненно шире и разнообразнѣе, между тѣмъ какъ даровитый учитель былъ въ силахъ исчерпать лишь одно настроеніе — горькую разочарованность нѣжной и чувствительной души, но блестящая попытка Батюшкова все же составляетъ его великую заслугу: онъ первый, такъ сказать, далъ тонъ интимной лирикѣ въ нашей поэзіи.

Творческая дѣятельность Пушкина кладетъ столь рѣзкую грань въ развитіи нашей литературы, что вся прежняя жизнь ея кажется многимъ какъ бы въ туманѣ и считается не заслуживающею ближайшаго изученія. Это совершенно несправедливо. Ходъ нашей литературы до Пушкина представляетъ собою не только рядъ послѣдовательныхъ ступеней въ развитіи образованности; въ ней выступаютъ не только крупные дѣятели просвѣщенія, носители гуманныхъ идей, но и сильныя дарованія, оставившія хотя не многочисленные, но навсегда живые памятники своего творчества. Въ ряду этихъ дарованій одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Константину Николаевичу Батюшкову, ближайшему предшественнику Пушкина и одному изъ тѣхъ русскихъ поэтовъ, которые, подобно ему, могли бы сказать о себѣ: „Нѣтъ, весь я не умру!“.

10.6.22



2000-00

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

2000.00

6-1

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
И. ГЛАЗУНОВА.

Въ С.-Петербургѣ.

(Существуетъ съ 1785 г.).

Невскій проспектъ, у Казанскаго моста, № 27.

Въ магазинѣ имѣются всѣ находящіяся въ продажѣ книги и учебныя пособія. Требованія какъ гг. иногородныхъ, такъ и городскихъ потребителей исполняются въ возможно короткій срокъ.

Книги собираются немедленно по полученіи заказа и высылаются тотчасъ же; если и можетъ произойти нѣкоторое промедленіе, то только тогда, когда требуемыя изданія приходится выписывать изъ другихъ городовъ, за неотысканіемъ ихъ въ С.-Петербургѣ.

Книги высылаются при полученіи наличныхъ денегъ, а также и наложеннымъ платежомъ; во избѣжаніе недоразумѣній магазинъ покорнѣйше проситъ точнѣе выписывать заглавія книгъ, адресъ требователя, а также означать какимъ способомъ желательна пересылка, почтою, по желѣзной дорогѣ или чрезъ транспортную контору.

Въ чертѣ города, по требованію, всѣ изданія доставляются и на домъ.

Телефонъ № 1061.

к/х